

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Трое в Долине

«ЭКСМО»

1998

Никитин Ю. А.

Трое в Долине / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1998 — (Трое из леса)

Они вышли из дремучего Леса, но слава о них уже гремит по всей Земле. Мрак, Олег и Таргитай спасли мир, а теперь по праву сильных претендуют на власть над ним. И у них есть шанс получить желаемое – ведь сам Создатель, бессмертный Род, собирает все свои творения в Долине Битвы Волхвов, чтобы выбрать того, кто будет править миром, и вручить ему Перо Власти...

© Никитин Ю. А., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	65
Глава 12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юрий Никитин

Трое в Долине

Часть I

Глава 1

Кровь еще проступала из раны на груди Мрака. Вторая ранка, неглубокая, темнела справа над ухом. Крупные тяжелые капли застыли коричневыми струпами. Кора и Лиска уложили оборотня среди разбитых глыб небесного мрамора, Лиска забормотала слова древнего заговора.

Кора с треском оторвала нижний край платья, туго замотала голову оборотня, выставив заостренное ухо, слегка заросшее шерстью. Лиска метнула злобный взгляд: бесстыдница, могла бы и не такую широкую полосу, а теперь не тронутое жгучим солнцем белое тело вызывающе бросается в глаза, и взгляды троих мужчин, как ни измучены те после боя, то и дело обращаются в ее сторону.

На лбу Мрака собрались крупные, как орехи, мутные капли. Он все еще дышал тяжело, но взгляд прояснился. С недоумением поднял голову, вверху чернота, вроде ясная ночь, но почему нет звезд, осторожно повертел шеей. Поморщился:

– Отпустило... Хороший ты лекарь, Олег. Куда лучше, чем волхв.

– Я не вылечил, – сказал Олег с отчаянием. – Я только усыпил яд! Но эта гадость проснется с морозами. Я не знаю даже, увидишь ли первый снег.

– До снега? – удивился Мрак. – Так чего ж рыло, как у барсука, вытянулось? Еще утром не знали, доживем ли до вечера! А тут – до первого снега! Это же вечность...

Он пошевелился, пытаясь сесть. Рука нащупала сверкающее Яйцо, но ладонь соскользнула, едва не упал лицом вниз. Кора и Лиска с готовностью упирались в эту каменную плиту, которой казалась спина оборотня, раскраснелись, ибо поддерживать Мрака не легче, чем настоящую скалу.

Мрак прислонился к уцелевшей стене хрустального дворца. По изумительно ровной площади, холодной и неживой, как раскатились, так и застыли блестящие глыбы, похожие на расколотые льдины. Свет искрился на изломах, вспыхивал сотнями крохотных радуг, но даже радуги здесь были не столько цветными, сколько всего лишь яркими и неживыми.

– Или парни, – выговорил Мрак с трудом, – с которыми я сталкиваюсь, становятся все крепче... или я слабею.

Олег приложил ему к губам баклажку:

– Выпей глоток этого отвара. А завтра, если проснешься, еще глоток.

Таргитай, сгорбившись, как старая больная черепаха, сидел на мраморной глыбе. Растерянные глаза дударя смотрели в одну точку. Вышитая петухами рубашка разорвана до пояса, на боку зияет прожженная дыра с коричневыми краями.

Он вздрогнул, когда Олег начал остервенело крушить подхваченным с земли молотом стену.

– Все равно не понимаю, – сказал Таргитай убито. – Вот спасли мы весь белый свет... И сидим здесь, голодные, как волки, озябшие, как вороны. А я голодный, как четыре волка зимой. А где-то цари жрут и пьют прямо на теплых печах, как жрали и пили... Перед ними девки пляшут, в бубны бьют... А мы, спасители, получили от хвоста уши.

Мрак морщился, рассматривал рану на груди. Края взялись лиловым, медленно чернели. В сторонке раздавался грохот, Олег разбивал мебель, сундуки, скрины. Золото и драгоценные камни топтал, не глядя, торопливо оглядывался на Мрака, и даже Таргитай понимал, что ищет волхв. Мрак пробурчал:

– Вон Яйцо.

– А что с ним? – спросил Таргитай безнадежно.

Мрак подумал, предложил:

– Продай. Можно такие деньги огрести!

– Мрак... – проблеял Таргитай несчастным голосом. – Я о том, что где же справедливость?

Мрак скривился от приступа боли:

– Раз спасли, то он враз и справедливым станет?.. Да ты дурнее, чем я думал.

Олег услышал, бросил через плечо:

– Мир все тот же. Мы его просто удержали в целости... Не то что этот сундук!.. Не дали белому свету разлететься на камешки... Ого, сколько камней, и почему-то драгоценные!.. Но с чего бы вдруг мир стал справедливее?

– Я думал, – сказал Таргитай тоскливо. – Должно же что-то произойти!

Мрак проворчал:

– Оно и произошло. Мир цел, люди пакостничают по-прежнему. А уж как улучшить этот спасенный мир, пусть Олег думает. На то и волхв.

Олег двумя страшными ударами разбил другой огромный сундук, окованный золотыми обручами. Раскатились желтые монеты странной чеканки, блестящие камешки. Олег брезгливо переступил, обрушил молот на следующую скриню, а через плечо буркнул:

– Я знаю лишь, что погубить или спасти мир можно за один день. Но улучшить... тут всей жизни не хватит. Вон у Рода и то руки опустились! И хвост повис. А крылья так и вовсе... А он бессмертный!

Мрак посмотрел на опечаленного Таргитая, засмеялся грохочуще:

– Но даже если улучшишь, то все одно получишь разве что затрещину или пинок в зад. Спасители человечества кому нужны? Это даже я понимаю, хоть лягушачьи лапки перед собой не бросаю!.. Ты – другое дело. Не забывай, что ты теперь бог!

Олег с сочувствием оглянулся на Таргитая. Тот как никогда выглядел маленьким и жалким, горбился, пугливо поглядывал по сторонам. Пальцы зябко шарили по груди – он то ли стягивал края разорванной рубахи, грудь чересчур широка, то ли щупал спасительную дудочку.

– Может, не надо, а? – выговорил он просительно. – Лучше ты будь им, а? Ты вон какой здоровый! Или Олег, он у нас умный.

Мрак непреклонно покачал головой:

– Не-а, мне нельзя. Я теперь герой. А герои иной раз и богов меж ушей... Да не отодвигайся, не отодвигайся! Ты хоть и бог, но какой-то...

– Верно, – оживился Таргитай, – какой я бог?

– Бог, бог, – сказал Мрак веско. – Мне нельзя, потому что здоровый, а Олегу – потому что умный. Где ты видел, чтобы бог был умным?.. Как и те, кто богу кланяется? Это ж козе понятно: либо умный, либо верующий.

Таргитай горбился, и Олег, несмотря на злость и непонимание, все больше жалел недотепу. Род сотворил белый свет нелепым, если такие вот могут становиться богами, но спасибо Роду и за этот мир: смеяться над созданным всяк горазд, ты сотвори лучше!

По спине пробежал холодок. Дерзкая мысль пробивалась все выше, но он гасил, заталкивал вовнутрь, ужасаясь дерзости. Если Род сотворил мир несовершенным, то не для того ли создал людей, дабы доделали лучше? Продолжили работу Рода? А они трое, спасшие мир, не должны ли стоять во главе этих спасителей? А то и взяться за работу первыми?

Он перевел дыхание, потряс головой, отгоняя шибко сложные мысли:

– Мрак, ты не больно-то думай... До снега что-то да успеем. Ведь наконец-то у нас времени прорва!.. Сколько книг непрочитанных... сколько тайн неразгаданных, как много можно узнать и научиться. Наконец-то можно начать жить!.. Мы отыщем противоядие, а затем... затем начнем наконец-то жить. Просто, как все люди.

Кора посмотрела на него многообещающим взглядом:

– Неспешно наслаждаясь просто жизнью.

Из желтых глаз Лиски выметнулась крохотная молния. Красные, как пламя, волосы заходили волнами.

– Да, – сказала она с нажимом, – с той, с кем был в трудном походе... и не жаловался!.. Теперь он увидит, как еще лучше в покое.

Олег старательно отводил взгляд от обеих женщин. Мрак даже раздвинул запекшиеся губы в улыбке, бедному волхву сейчас хоть головой в прорубь.

– А я, – сказал Олег с усилием, – забьюсь куда-нибудь в нору. Надо прочесть много книг, неспешно разобраться в магии. А то трясти горами могу, а вот сдвинуть птичье перо еще не умею... Когда научусь всему, тогда и выйду к людям.

Женщины помрачнели, переглянулись, а Мрак проворчал:

– И тогда наступит настоящий конец света.

– Почему?

– Сразу начнешь учить жить праведно. А ты такой зануда, что все тут же подохнут, как вот уже подошли мухи вокруг тебя.

Олег в недоумении огляделся, но мух в вирии вроде бы нет. Все настолько чисто, прекрасно и благородно, что даже ему захотелось найти грязный булыжник и швырнуть в хрустальное окно.

Шагах в трех воздух завертелся жгутом. Сквозь вихрь проглянуло нечеловеческое лицо, огромное, злое, сменилось мутью, словно в кувшине размешивали кисель, потом вихрь опал, а на хрустальных плитах возник высокий строгий старик с длинной белой бородой и серебряными волосами, падающими на плечи. Взгляд его был острым, как ножи, желтые глаза полыхали, как два чана кипящего золота. Взгляд сразу же прикипел к сверкающему Яйцу.

Мрак крикнул, слабо похлопал ладонью в поисках секиры. Олег отшатнулся, только Таргитай тупо смотрел в пространство.

– Числобог, – прошептал Олег, бледнея.

– Узнал, – сказал старик сухо. – Зрю, прилежен был в учениях!

Мрак прохрипел, на миг прикрыв глаза от приступа боли:

– Зело прилежен. Батя, ты на чьей стороне?

Старец непонимающе смотрел на него сверху вниз. Олег торопливо воскликнул:

– Не сердись на него, отец!.. Он сильно ранен.

– Вижу, – кивнул Числобог с неприязнью. – Мозги вышибло. Так что слушай ты, на третьего не оглядывайся, у того их и вовсе не было. А эти с распущенными волосами, срамницы, не в счет. Козы не скотина, бабы не люди... Так вот, я не собирался этого говорить, но глядел на вас, глядел... Словом, сейчас начинается Великий Передел.

Олег отшатнулся:

– Великий... ага, понятно. Сейчас все, за что беремся, если не великое, то очень великое. А то и величайшее. Но что за Передел?

Мрак сопел, недоброжелательно поглядывая на старца. Таргитай мутно посмотрел на них, отвернулся. Ему при любом переделе достанутся только пинки и попреки.

– Передел, – внятно повторил Числобог. – Великий Передел Мира. Все знали... я говорю о Знающих, что белый свет вот-вот угаснет, потому и сидели... Но сейчас, когда мир спасен, зашевелились древние упыри, мудрые лешие, степные полканы. Один мир – один хозяин!

– Один мир – одна голова, – пробормотал Мрак. – Это здорово! Чтобы взять и открутить разом к... И больше не мучиться.

Олег чувствовал, как лицо холодеет и вытягивается.

– Это что же... нам опять?

Числобог развел руками:

– Это ты сказал.

– Я?

– Почему-то ты сразу решил, что вам троим надо что-то делать. Я только сообщил.

Они переглядывались, как-то само собой разумелось, что им до всего есть дело. Олег спросил:

– И как он... состоится?

– Великий бог богов и всего сущего, Род, решит, кому передать мир. Это случится через шестнадцать дней, на семнадцатый в священной Долине, где однажды уже было... Там до сих пор горит земля...

Олег воскликнул:

– Долина Битвы Волхвов!

Его передернуло, лицо посерело. Числобог кивнул, несколько раздраженный, что перебили:

– Да, так ее называют лешие, боги и даже упыри. Там Род вручит свое Перо тому, чей народ по его воле будет властвовать над всем сущим.

Мрак прогудел издали:

– А что ж сам старик?... Помирать собрался?

Числобог стегнул по нему огненным взором:

– Смертный!.. Так о самом Роде?... Род удалится на тысячелетний покой. Или на больше. Кто мы, чтобы судить или даже понимать Великий Замысел?... Даже мы, боги, знаем только, что в ту заветную Долину люди даже не приглашены!

Он отступил на шаг, глаза его уже смотрели поверх голов троих невров и двух замерших женщин. Мрак буркнул:

– Но мы-то что можем? Мне вот осталось только чихнуть и помереть. А эти двое...

Числобог ответил медленно:

– В Книге Бытия, где записан предельный срок жизни всяк сущей твари, есть и твоя запись. Тебе отмерено... чудно, этот смертный волхв угадал, что до первого снега... Увы, ты его уже не узришь. Правда, можешь погибнуть и раньше, но это будет случайная смерть. Хотя до своего срока если кто и дотягивает, то на такого сбегаятся смотреть даже боги.

Мрак скривился, переживал новый приступ, а Таргитай спросил жалобно:

– И ничего-ничего нельзя?

Числобог покачал головой:

– Даже тебе, молодой бог. Молодой, но сильно могучий. Книга Бытия главнее богов, главнее всего на свете. Она и есть само Бытие... Но ты, получеловек, можешь прожить и оставшиеся дни... достойно. А вот тебе, молодой бог, эта дорога заказана. Все, кончилось детство.

– Почему? – спросил Таргитай жалобно. – Почему мне нельзя идти с друзьями?

– Потому что опять мечтаешь жить за чьей-то широкой спиной. Чтоб принимали решения, вели, направляли, добивались, обламывая ногти и разбивая в кровь сердца и души, страдали и мучились, а ты лишь помогал...

Таргитай вскрикнул, защищаясь:

– Но разве я плохой помощник? Ты ж сам говоришь... ну, и все говорите, что я... ну... я бог...

Последнюю фразу он выдавливал долго, а конечное слово почти прошептал, опустив глаза и залившись румянцем.

Числобог развел руками:

– Ну, вот ты и сказал. Сам сказал! Ты – бог. Так что же набиваешься в помощники? Конечно, легче быть хвостиком двух львов... но тебе самому пора им стать. Львом, я глаголю!

Таргитай опустил голову и поднял плечи. Вид у него был настолько не львовый, что даже Олегу захотелось прижать голову несчастного друга к своей груди и гладить по золотым волосам.

Таргитай прошептал несчастливо:

– Как я не хочу сидеть в вирии... Тут везде хрусталь, всюду солнце, всегда пир... А я так люблю рассветы и закаты, запахи земли и травы, люблю трогать березы, заглядывать в дупла, заходить в села и веси, петь и плясать с простыми девками, не богинями вовсе и не царскими дочерьми... как вот восхотелось Мраку.

Числобог удивился:

– А кто тебя заставляет сидеть в вирии, как пес на цепи?

Таргитай смотрел с раскрытым ртом. Числобог засмеялся:

– Тем и сильны могучие боги, что ходят по земле. Но уже не со смертными.

Он развел длани, Олег думал, что тот признается в своем бессилии помочь Мраку, но этот жест взвихрил воздух, в вихре потускнели сверкающие серебряные волосы и борода, только глаза еще горели сквозь тускнеющие стены нестерпимым блеском.

Мрак что-то показал знаками исчезающему богу. Стенки вихря стали на миг тоньше, оттуда высунулись костлявые руки, потянулись, Мрак ногой пихнул Яйцо. Загрохотав, оно подкатилось к вихрю, все пятеро видели, как костлявые пальцы Числобога ухватили массивное Яйцо, с натугой потащили в вихрь, стенки помутнели, там завертелось с бешеной скоростью, послышался шелест, свист, и на высокой комариной ноте вихрь исчез.

Глава 2

Все пятеро потерянно и одиноко смотрели вслед исчезнувшему Числобогу. Хоть и не надо думать, куда пристроить Яйцо, но они, пятеро, так и остались посреди сверкающей равнины этого блистающего, враждебного людям мира. Вдалеке вспыхивают золотые искорки, там чертоги других богов, терема с ушедшими из жизни пращурами. Там диковины богов, там райские птицы...

Таргитай сказал с великой тоской:

– Это что же... опять мир спасти? Я думал, отлежусь, отосплюсь, отъемся да намечтаюсь без помех и всласть! Что за жизнь?

Олег покосился на замерших женщин:

– Боюсь, что другой нет вовсе.

– Как это?

– Я дурак еще больший! Как не понял, что этот нелепый мир все время надо спасать! Но сейчас все же проще. Он уцелеет, даже если мы пальцем не шелохнем...

Мрак буркнул, не открывая глаз:

– Фу, а я уж хотел было обуться.

– Только ежели Перо перейдет к гномам, они нас, я говорю про людей, с лица земли сотрут, ежели к горынычам – по стенам размажут, к дивам – огнем сожгут, а к упырям...

– Не надо, – прервал Таргитай, он побледнел. – И про навьев не надо. Чистое небо, что это мы всем дорогу перешли? Меж собой и то не ладим, а уж на нас, на людей, так все кидаются!.. Где они бока отлеживали, когда мы и за них махались?

– А это как раз и понятно, – сказал Олег с горечью. – После войны появляется много героев... Как еще не говорят, что это именно они спасли!

– Скажут, – бросил Мрак с насмешливой уверенностью.

– Скажут, – тоскливо подтвердил Олег. – Но спасти мало, надо еще и отстоять на него право. Кто жахнет править? Упыри, боги, великаны... Ну, боги не в счет, хоть и самые сильные. Для них лишь бы на жертвенные камни кровь текла. Но упыри, лешие?.. Надо побывать там, посмотреть. Я не смогу подчиниться силе, но мне нетрудно признать власть более мудрых. Более того, подчинюсь с охотой!

Оборотень скривился, будто перед ним тупым ножом скребли сковороду. Но смолчал, хотя было видно, что уж он-то не согнет шею ни перед сильным, ни перед красивым, а уж перед умным – что он, совсем спятил?

Таргитай прошептал убито:

– А то, что мир спасли, не зачтется?

– Нам?

– Человекам, – поправился Таргитай несчастно.

Мрак горько рассмеялся:

– Не сердись, дружище, но ты хоть и бог, но все же дурак!

Таргитай спросил жалобно:

– Дурак, потому что твой дружище, или я твой дружище, потому что дурак?

Несмотря на тяжесть пережитого, Лиска прыснула. Мрак бросил на нее недобрый взор:

– Ишь, почивать на прошлых заслугах!.. Это тебе не в твоих песнях. Жизнь благодарности не ведает. Как и пузо, что не помнит, как до отвала кормил на прошлой неделе! Все равно сейчас аж на ребры кидается, есть просит. Да где там просит – требует. Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой! Заново.

Таргитай сидел на расколотой глыбе мрамора, жалобный и несчастный. Плечи опустил, как под дождем лопух, золотые волосы свалились в жидкие пряди. Руки бессильно свисали с коленей, будто дохлые гадюки.

Мрак с недоброй улыбкой толкнул Олега:

– Скис наш-то бог, а?

– Мрак, – сказал Олег тихо, – для него самого это боговство как снег на голову. Не ему бы... Дай привыкнуть.

– Ему?

– Да и нам не просто.

Мрак громыхнул:

– А мне и вовсе ни к чему.

Олег съежился. Может, Мрак имел в виду что-то другое, но он, волхв, все время помнит слова Числорога о первом снеге.

– Надо спускаться, – сказал он, отводя глаза. – Здесь слишком мертво.

– Не могу, – проворчал Мрак. – Вам с Таргитаем что... Хоть Меч Богов перековал на орало, зато дуда при нем, тебе тоже только губами шлепать и руками махать, а мне лучше без портков, чем без секиры! Я без нее более голый, чем без... эх, волхву ли понять?

Олег развел руками:

– Может, пойму. Я тоже привык к Волшебному Посоху. По крайней мере, от собак отбивался.

– Но что-то можешь без него?

Лицо волхва дрогнуло.

– Ты же знаешь...

– Что?

– Ну, землю тряхнуть, за Край выглянуть... А остальное... Я ж говорил, мне бы забиться куда-нибудь в нору, поучиться. А еще лучше, пойти к знающему колдуну. Пусть научит. Ладно, ты лежи отдыхай. Мы с Таргитаем пошарим. Если что найдем стоящее...

Мрак, морщась, лег удобнее. Его всегда темное лицо сейчас посерело, надбровные дуги выпятились еще больше, а глаза вовсе спрятались в темные пещеры.

– В хате бога войны да не найти?

Олег исчез, только слышен был грохот, лязг, звон, треск разбиваемых сундуков, украшений, даже колонн, если попадались на пути целеустремленного волхва.

Кора заботливо подтыкивала Мраку под бок его же волчовку. Шерсть слиплась от крови, но глаза девушки неотрывно следили за Лиской, эта рыжеволосая тоже пошла в ту же сторону, что и Олег, якобы ищет оружие или снадобья...

Мрак прогудел сочувственно:

– Девка, тут ты промахнулась.

– В чем? – насторожилась Кора.

– Олегу не до тебя.

Она вспыхнула:

– Понимаю! Эта рыжая... эта рыжая мелочь, мелочь с желтыми, как спина старой лягушки, глазами...

Мрак предостерегающе поднял ладонь:

– погоди. Не кляни, дело не в ней.

Она смотрела дикими злыми глазами:

– А что, есть еще одна?

Он вздохнул, не понимая, как объяснить, что они только что спасали мир, а теперь надо еще, оказывается, спасать и людей. Не спасти сейчас, то завтра, может быть, Лиску и саму Кору

возьмет какой-нибудь зеленый с бородавками на спине, а то и на пузе. В жены или наложницы, чтобы ему яйца высиживали или икру метали.

– Он из тех, – пояснил он неуклюже, – кому важнее сперва дело сделать... Ну а девки – потом. Всегда потом. Но, как видим, за каждым делом тут же находится еще что-то...

Она заговорила горячо:

– Ты не понимаешь!.. Я пошла за Олегом вовсе не потому, что он такой необыкновенный, не потому, что за него готова броситься в огонь... Но я жила в таком захолустье, где уже давно было расписано, за кого мне идти, что делать, когда рожать... Но когда пришли вы трое, наш город переменялся. Однако я видела, что когда уйдете... а вы уже уходили, все вернется в прежнее болото. И я решилась убежать за вами... не понимаешь?.. не потому, что хотела быть с кем-то из вас, а потому, что не хотела оставаться, медленно стареть и подыхать в полумертвом городе, что уже загибался, вы это видели!..

Мрак слушал сочувствующе, даже кивал, хотя и такое простое движение давалось с трудом, в глазах темнело.

Из внутренних покоев выдвинулся Олег, яркий, как алый мак, со своими волосами, вызывающе дикий и грязный в этом сверкающем хрустальном мире. К груди прижимал целую охапку мечей, копий, тускло блестели лезвия топоров и секир.

Кора отпрянула, когда он с лязгом высыпал груды булата перед Мраком:

– Выбирай!

Глаза Мрака вспыхнули восторгом и сдержанным неодобрением. Оружие, сразу видно, лучшее из лучшего, иного и не могло быть в доме бога воинских дружин, но чересчур богато украшенное, многовато золота, зачем-то драгоценные камешки, да так искусно вделаны, что не сразу и собьешь к лешему...

– Вот это по руке, – решил он. – Без причуд. Только ручка коротковата.

Олег с сомнением посмотрел на простой незатейливый молот. Ковали в древности, заметно, тогда не знали тонкойковки, но от молота чем-то веет недобрым, что-то слышал в детстве и об этой короткой ручке, молот делал странный горный народ, который никогда не зрит света, им кто-то мешал, потому ручка получилась короче...

– Может, вот это?

Он разгреб кучу оружия, в его руках очутилась секира из простого булата. Ручка тоже просто из дерева, поверхность отполировали чьи-то шершавые ладони.

Мрак вздохнул:

– Ты прав. Это баб можно менять, но не оружие. Беру.

– А я возьму это, – решил Олег, – все-таки похож на посох.

Он повертел в руках дротик, толстый и с резным древком. Наконечник не слишком острый, а по дороге и вовсе затупит о дорожные камни, ведь служителю Истины не подобает якшаться с оружием.

Готовясь к спуску, он рассовывал по карманам горстями золотые монеты, драгоценные камни. На женщин смотреть избегал, но они поняли как указ, навешали на себя, сколько смогли, золотых цепей, ожерелий, монист, к ушам подвесили целые ящики из золота, даже на головы водрузили такое, на что можно было бы купить половину киммерийского царства.

Мрак покачал головой:

– Я не слезу. Руки трясутся. Тарх, ты не можешь спустить нас вниз как-нибудь иначе?

Таргитай сказал жалобно:

– Я что, колдун?

– Что за народ пошел, – произнес Мрак с отвращением. – Один бог, но сам шнурки не завяжет, другой всю землю трясет, но в трех соснах блудит!.. Добро бы среди дубов, те корявые, ветки распустили, как Таргитай губы, но сосны ж ровные, как свечки!

Олег стоял с несчастным лицом, перебирал пальцы, губы шевелились. Когда поднял взгляд, в глазах была тоска.

– У нас нет времени. Если через две с половиной недели все решится... то нам эти две недели только спускаться по Дубу. Или отказываемся даже пытаться, или...

– Что «или»? – спросил Мрак.

– Или придется рискнуть, – ответил Олег таким трезвым голосом, что даже Мраку стало не по себе. – Ты прав, мы должны были давно погибнуть... и теперь каждый день нам идет в подарок. Я попробую запрячь вихрь. Или хотя бы вихрик.

Кора сказала заботливо:

– Ты весь выжат, как половая тряпка. Тебе надо отдохнуть и хорошо кушать. Я позабочусь...

Лиска злобно сверкнула глазами:

– Он герой, а герои отдыхают быстро. Верно, мой величайший?

Олег растерянно топтался, смотрел то на одну, то на другую. Тяжко быть героем, вон Таргитай не только героем, даже богом быть не хочет... Прямаялил, еще более несчастный, чем Таргитай:

– Я выжат, но вниз легче, чем тащиться вверх... Я попробую, хотя не уверен.

Даже Таргитай понял, что волхв, стараясь угодить обеим женщинам, рискует врезаться чересчур умной головой в придорожный камень на развилке дорог.

– Что нам делать? – спросил Мрак. – Ты говори, говори.

– Станьте поплотнее, – сказал Олег нетвердо. – Держитесь друг за друга крепче.

Мрак поднялся, пошатнулся, но тряхнул головой и уже увереннее встал так, чтобы женщины и Олег облепили его, как тонкие выюнки могучее дерево. Оглянувшись, гаркнул:

– Эй, ты чего спишь?

Таргитай встрепенулся. Глаза его с отчаянной надеждой впились в суровое лицо Мрака.

– Ты... мне?

Мрак прорычал:

– А кто у нас бог? Старик сказал что-то вроде: идите с богом. А старших уважать надо.

Таргитай со счастливым визгом кинулся на шею Мраку, обслонявил заодно и Олега, тот отпрянул и с отвращением вытирался, словно слюни покрыли его от макушки и до пят, а Таргитай верещал и подпрыгивал, уверял, что никому не будет в обузу, что и за костром последит – знаем, рыкнул Мрак, прошлый раз мои сапоги спалил! – и готовить будет, не всегда же как всегда, когда-то получится...

– Старик прав, – проворчал Мрак, он отводил глаза и вроде бы сердился на самого себя, что забирает Таргитая с небес, где тот мог бы прямо сейчас начинать боговать. – Ты вырос, как и Олег. Но сперва сходим... в последний раз... что там за Передел? А потом каждый своей дорогой.

Он помрачнел, Таргитай поморщился от боли в груди, страдал за Мрака: ранен, отравлен, а хуже всего – мечтает отыскать ту, которую закрыл грудью от ножа проклятого жреца.

Вихрь был прозрачный, без привычной пыли, мусора, стебельков сухой травы. Таргитай вычленил его лишь по тому, как вдаль начали колебаться стены, а блистающие глыбы хрустали словно бы поплыли, как лед под солнцем.

Когда вихрь приблизился, из пустоты повеяло холодком, зашевелило волосы. Они чувствовали, как странная сила прижала их друг к другу невидимыми, но могучими ладонями, потом Олег поднял все это и потащил в сторону едва заметного отсюда края, той щели в небесной тверди, через которую они проникли в вирий.

Мрак хрипло каркнул и вывалился сквозь тонкую стену вихря. Таргитай чудом успел ухватить его за ногу. Олег, сцепив зубы, держал, а Таргитай с женщинами втащили оборотня, все обхватили друг друга крепче.

Край хрустальной плиты блестел изломом всего в двух шагах. Дальше бездна, а там, далеко внизу, во тьме, ибо на земле ночь, холодная твердь с лесами, морями, горами, а на равнинах и в долинах крохотные дома, люди...

Слышно было, как Олег судорожно шепчет заклятия. Их потрянуло, стенки заволокло быстро крутящимися вихрями, словно быстро-быстро размешивали светлую глину в чане. Опора под ногами исчезла, полетели вниз, желудки подняло к горлу, в головы ударил темный слепой ужас падения. Кора вскрикнула, а Лиска, что готова была завизжать еще сильнее, прикусила язык, надо быть лучше соперницы, быть достойной подругой героя.

Таргитай пролепетал:

– Олег, мы ведь падаем, да?

Мрак рыкнул:

– Не мешай, он мыслит о высоком.

– Олег, какое там высокое? Нам вниз, вниз!.. Ты не спишь?..

Олег прошептал со страхом и стыдом:

– Я... я переоценил свои силы... Мы в самом деле падаем...

Снизу прорывался ветер, острые струи кололи как ножами, а когда последние клочья магического кокона улетели, ветер набросился как зверь, рычал и ревел в уши, трепал, дергал за волосы, старался сорвать одежду.

Слева медленно удалялся исполинский ствол, зеленый, с наплывами, торчащими ветвями. Их явно относил ветром, а ствол медленно темнел, становился шире, толще. Внизу было белым-бело, нескоро наметились неровности, бугорки.

Таргитай начал лязгать зубами, прижимался к друзьям, как замерзающий щенок, его трясло, внутри стучали кости. Встречный ветер выдавливал слезы и тут же срывал злорадно, кожа замерзала, как на лютom морозе.

Снежная равнина внизу постепенно приближалась, уже отчетливо видны высокие горы, причудливые исполинские глыбы, неглубокие ущелья.

Олег выкрикнул:

– Держитесь крепче!.. Я попробую еще!..

Мрак пробурчал, перекрывая свист ветра:

– Лучше попозже... Когда минует...

– Нет... А вдруг нас отнесло к горам?

Снежная равнина приближалась, весь мир был покрыт снегом, Кора снова начала повизгивать, Лиска закрыла глаза, чтобы не верещать.

– Держитесь!

Таргитай вцепился, как клещ, Мрак тоже загреб сразу всех, прижал так, что Олег захрипел, а Кора сладко застонала, но тут врезались в заснеженный мир, понеслись насквозь, и стало понятно, что это не снег, а облака, привычные облака, такие незнакомые отсюда.

Одновременно тяжесть попыталась расцепить пальцы, все боролись со злой магией, в молочном тумане было сыро и гадко, одежда, волосы и руки намокли, начали скользить, а колючий встречный ветер еще свирепее набрасывался, отдирав друг от друга.

Снизу ударил свет. Вывалившись из белого месива, увидели далеко внизу полосу реки, крохотные озера. Зеленый лес казался травой, но вырастал так быстро, что вскоре уже начали различать отдельные деревья.

– Держитесь, – прохрипел Олег, – держитесь!

– Это ты держись, – донесся голос Мрака. – Мы что...

Уже видно было тоненькую, как золотой волос, ниточку дороги. Озеро разрослось до лужицы, а вдали проступили ровные пятна зелени, распаханые поля. Даже видны золотые пятнышки, словно под заходящим солнцем горят соломенные крыши хаток.

Магический кокон уплотнился, встречный ветер уже не разрывал на части, только дул холодно и злобно. Слышно было, как стонет Олег, глаза его закрылись, на лбу вздулись жилы, шея страшно побагровела.

Их тряхнуло дважды, словно Олег пытался остановить кокон, тяжесть едва не разорвала их на части, потом снизу люто ударило, пальцы расцепились, они покатались... по твердой земле!

Глава 3

Таргитай перевернулся через голову, его внесло в темные зеленые заросли орешника. Там был треск, вопль, но выбрался, хоть на четвереньках, но сияющий, глаза блестят от восторга.

– Олег!.. Как я трясся, когда думал, что придется слезать, как и залезали в тот раз – по Дереву!.. А там жуки, там муравьи, там живица к порткам липнет!

Олег лежал на спине, раскинув руки. Дыхание вырывалось с хрипами, орлиным клекотом. Грудь вздымалась высоко и часто, а ребра скрипели, как несмазанные петли городских врат. Волчовка распахнулась, открывая широкую костлявую грудь, а живот ввалился так, что сквозь мокрую от пота кожу жутковато выпячивались кольца спинного хребта. Бледный и сразу исхудавший, он был похож на тех бедолаг, которых освободили из темниц Ящера.

Мрак поинтересовался рассерженно:

– Ну и куда нас занес?

– Занесло, – поправил Олег дрогнувшим голосом. – Я ж не обещал, что прямо к столу, а Таргитая на печь.

А Таргитай вступился за измученного волхва:

– С небес снял, и то ладно! Это ж сколько бы нам слазить?

– Слезать, – поправил Олег занудливо.

Мрак покосился на него изумленно: едва душа в теле, а за свое, прорычал:

– С кем я связался? Одному только бы не богом, второй – как только в землю не промахнулся... Правда, если пальцем в небо попадает, то и в землю как-то сумел...

Олег, лежа, как распластанная рыба на берегу, все же пытался осматриваться, нюхал воздух, вызвав у Мрака злую гримасу. Как будто у волхва нос лучше, чем у волка!

Лиска первой приподнялась, подползла к волхву. Ее желтые глаза с любовью и страхом впились в его лицо, она потерела его за щеку:

– Олег!..

Кора со стоном повернулась, глаза ее смотрели в разные стороны. Потом увидела красноголовую женщину над ее мужчиной, тут же очутилась с другой стороны, наклонилась и нежно подула ему в лицо:

– Олег, это я, Кора... Очнись, ты нам нужен!

Мраку единственному не повезло: сгоряча не ощутил боли, когда грохнулись с небес, но теперь чувствовал, как по ноге бежит горячее, мокрое. Ломаясь, кустарник распорол острым суком ногу чуть выше колена.

Он ругнулся, успеет ли рана затянуться раньше, чем истечет кровью, а Кора с готовностью и, как показалось Мраку, с удовольствием снова рванула нижний край платья, укоротив еще на ладонь, быстро положила на рану листьев и крепко завязала.

Мрак буркнул с благодарностью:

– Не стоило... Вон на голове уже засохло. Можно было взять ту... Впрочем, ноги у тебя в самом деле красивые.

Кора бережно сняла повязку с его головы, кровь присохла и отдиралась нехотя, но края раны уже сошлись, хотя выступила розовая сукровица.

– А эту выбросим, – решила она беспечно. Добавила одобрительно: – На тебе заживает как на собаке.

– Как на волке, – поправил он. – Это быстрее!.. Гм... На твои ноги в самом деле смотреть одно удовольствие. Надо будет поцарапать и другую ногу.

Веки Олега затрепетали, словно прислушивался к словам и старался понять, что с ним, но глаза оставались закрытыми. Мрак сказал грубовато:

– Девчата, помогите Таргитаю собрать хворосту. Солнце зашло, ночевать придется прямо здесь.

Женщины с неохотой поднялись, но Мрака нельзя слушаться, а оборотень толкнул носком сапога Олега в плечо:

– Вставай! Они ушли.

Олег осторожно приоткрыл глаз. Лицо его было измученным, постарело, словно было ему не двадцать две весны, а по меньшей мере тридцать, как Мраку. Мрак указал в сторону леса. На опушке Таргитай и женщины торопливо поднимали сухие хворостины. Багровые облака висели над верхушками деревьев, медленно опускались к краю земли.

– Если встать не можешь, – сказал Мрак, – лежи, набирайся сил. С бабами что-нибудь придумаем. Что-то не можешь, как Таргитай...

– Не могу, – ответил Олег убито. Он с трудом приподнялся. Его перекосило, помолчал, переживая резкую боль. – Он прост как дрозд, и у него все просто... Слушай, я чую крупную весть за этим леском. Даже не весть, а целое село! Может, пойдем? Честно говоря, я хоть и не Тарх...

Мрак провел языком по пересохшим губам. Живот присох к спине, а ребра торчали, как частокол.

– Сперва переведем дух, – решил он, – малость обсушимся и пойдем. Небо чистое, а звезд – как веснушек на харе... ладно, смолчу, на чьей.

Он перехватил недоумевающий взгляд Олега. Зеленые глаза пытливо смотрели на повязку на его ноге, потом перебросили взгляд на голову, затем снова на перевязанную ногу:

– Что-то стряслось?

– Поцарапал, – буркнул Мрак.

– А-а... Я думал, что у тебя только голова и грудь.

– У меня еще и руки есть, – сообщил Мрак.

– Да нет, я о повязке... Она ж была на голове!

– Сползла, – объяснил Мрак небрежно.

Олег вытаращил глаза.

Таргитай вернулся в сопровождении Лиски и Кору, его почти не было видно под горой хвороста, старался, словно еще опасался, что откажутся, загонят обратно на чужое небо... пусть не чужое, но все-таки не хочется быть богом, непонятно, как это – быть богом.

Женщины прижимали к груди охапки сухой бересты. Мрак высек огонь, пламя взметнулось яркое, оранжевое. Вокруг сразу потемнело. Женщины, дрожа, придвигались к огню, на время забыв о соперничестве. Олег взялся осматривать раны Мрака. Лиска и Кора тут же оказались рядом, но Мрак не спорил. Умелые ласковые руки бережно перевязали заново грудь, – пусть он не Олег, ничем не обязан, а был бы обязан...

В груди кольнуло, он смутно удивился, ибо боль была странная, вроде бы где-то глубоко внутри.

Олег посматривал на окруживших огонь озябших друзей, на душе были страх и горечь. К страху, с которым жил всю жизнь и который отступал только в редкие часы, добавился страх, смешанный с недоумением. Когда полагали, что для спасения мира нужно только пойти и гагахнуть злого кагана по голове, – все было просто и понятно. Как и потом, когда нужно было сокрушить магов.

Мрак видел, с каким страдальческим видом волхв уставился на огонь. Губы двигались, но слова застревали по ту сторону плотно сжатых зубов. Мрак толкнул, Олег вздрогнул:

– Не пугай... Не могу понять, за что нас так? Какой запрет мы нарушили? Старшим не поклонились?... Березу сломали зимой? Или вступили в след лося левой ногой?

Мрак сказал хладнокровно:

– От всего не убережешься. Надо жить как набежит. Я помню случай... На одного такого вот умного вдруг посыпались несчастья. Жена померла, терем сгорел, корова сдохла, собака укусила, соседи перестали здороваться... Упал на колени, взмолился: «Великий Род, за что? Я ведь все обряды блюду, жертвы приношу, девок Таргिताю топлю, поклоны бью, кости лося закапываю...» И вдруг с небес раздается такой могучий глас, что сразу ясно – сам Род говорит из вирия: «Ну не нравишься ты мне, понял?»

Таргитай хлопал глазами, спросил наивно:

– А за что не нравится? Слишком умный? Я ж говорил тебе, Олег, нельзя быть таким...

– Да просто не нравится, – поморщился Мрак. – Просто! Без причины. Может быть, и сейчас он так, без причины. Иначе я его совсем не понимаю. Ну и что, если людей сотворил последними? Все-таки мог бы хотя бы позвать... А там, глядишь, мы бы как-то подсустились ради Пера.

Олег возразил невесело:

– Рода как раз понять можно. Все-таки род людской невелик, на каждого человека по сотне тысяч одних только леших... Да что там сотне тысяч! Больше. В каждом доме живут домовые, в сарае – сарайники, а еще овинники, конюшники, амбарники, банники... ими кишит двор, они в каждом курятнике, а уж за изгородью – там вообще кишмя! Но это только те, кто решился жить вблизи человека, а в лесу их вообще как листьев на деревьях. В полях и степях их больше, чем стеблей травы. Ими заполнены реки и озера, они носятся в воздухе, устраивают ветры, вихри и вихрики, таскают тучи, нагоняют град...

Мрак буркнул:

– Когда мы были в горах, видел этих... мелких.

– Горные рудокопы, – сказал Олег. – Которые переждали потоп в своих норах! Их уже тогда было как камней в горах, к тому ж не воюют, как мы наверху, плодятся как мухи... И знания копят, передают из поколения в поколение, ничего не теряют, как мы наверху. Голова кругом идет, когда только пытаюсь представить, каких глубин достигли... Я о мудрости, зверь, какие невероятные сокровища собрали!.. Эх, ты, как Таргитай, сразу о злате-серебре подумал...

Таргитай живо возразил:

– Не только! Я что, дурак?.. И о драгоценных камнях! В горах знаешь какие красивые попадаются?

Олег замолчал, начал подбрасывать хворост в костер, затем срезал свежий ивовый прут, содрал кору, и на белое, скользкое нанизал ломти мяса, переложил горькими травами, положил над углями, но так, чтобы только румянились, но не подгорали.

Сквозь листву смотрели звезды. Иногда ветки чуть сдвигались, словно по ним пробежала незримая белка, некоторые звезды уходили, взамен холодно и враждебно смотрели другие колючие глаза.

Женщины тихонько перебирали свои, теперь уже свои, драгоценности. Мрак сидел перед догорающим костром, обхватив огромными руками колени. От багровых углей шел угасающий жар. Лицо Мрака выглядело выкованным из темной меди. Темно-красный свет подсвечивал снизу так странно, что Олег дважды оглядывался на сидящего в задумчивости человека: тот ли Мрак, с которым вышли из леса.

– Мы найдем, – проговорил он, чувствуя, как в горле встал ком. – Мы найдем, что сделать с этим ядом.

Мрак даже не понял, глаза уперлись в быстро темнеющие угли. Таргитай, спохватившись, бросил охапку хвороста, подкатил туда уголек, подул, раздувая щеки, как стельная корова бока. Вспыхнули мелкие злые огоньки, вгрызлись в дерево, пошли торопливо расщелкивать, перехватывая друг у друга лакомые куски. А на старом месте багровые угли шипели и злобно пле-

вались струйками дыма, когда на них падали капельки жира с нанизанных на прутья ломтей мяса.

– Ты ищешь травы? – спросил Таргитай с надеждой.

– Все ишу, – ответил Олег. Он старался не смотреть в глаза оборотню, тот слишком хорошо видит ложь, а правда в том, что от яда жрецов Перуна просто нет противоядия. – У нас еще есть время.

Мрак наконец поморщился, лоб и скулы в пламени костра стали оранжевыми.

– Бросьте.

– Мрак, правда...

– Бросьте, – повторил он. – Я просто... где ее искать?

Таргитай не понял, смолчал, заботливо переворачивал прутья, пусть подрумянятся, но не подгорит, а Олег спросил настороженно:

– Кого?

– Ту, которую. В жертву...

– А-а-а-а, – протянул Олег, – которую в невесты Перуну!.. Эх, Мрак... Тарху не дали отнять у Маржеля, он же Перун, невесту, а эту... Правда, мы отняли ее мимоходом. Все равно пришли за головой Перуна. Но тебе не стоило вот так бросаться под нож... да еще отравленный.

Мрак угрожающе зарычал. Олег поспешно отсел по другую сторону костра, а Таргитай, словно все понимая, молча обнял Мрака и прижался к его боку, такой по-детски беззащитный и дурковатый, что прямо прибил бы из жалости, чтоб не мучился.

– Если мясо не подгорит, – предостерег он, – то не знаю, не знаю... Значит, что-то в лесу большое издохло.

– Очень большое, – поддержал Таргитай, ничего не поняв. – Агромадное!

– Лишь бы не черепаха, – ответил Олег, его глаза смотрели перед собой в незримые дали.

– Какая черепаха? – поинтересовался Таргитай.

– Да там... одна, – ответил Олег внезапно охрипшим голосом. Лицо покрылось тенью, нос заострился, как у дятла, щеки стали восковыми. – Большая такая... Другой такой нет.

Мрак промолчал, о чем-то догадывался, а добрый Таргитай уточнил:

– Ничо, черепахи живут долго!.. Гольш рассказывал, что у его деда одна вовсе...

Но трепещущая душа волхва уже унеслась в страшные дали, там билась в смертельном страхе, переживая то, что однажды пережил сам хозяин. Мрак хмыкнул, снял прут с парующими ломтиками, на каждом шипели и лопались пузырьки, сунул ему в руку. Олег начал есть чисто механически, глаза смотрели в одну точку, потом челюсти заработали чаще, он даже взрывался, как пес, у которого пытаются выдрать кость из пасти, а когда опустевший прут полетел в темноту, рука волхва, словно сама, ухватила другой.

Мрак наблюдал за всеми с усмешкой. Все едят так, что за ушами трещит. И как ни умничают волхвы, но жрякать не забывает. А говорят, что есть мудрецы, что не видят, что суют в пасть. Олегу попробуй сунуть подгорелое...

Он поинтересовался:

– А как остальные?

– Что – остальные?

– Если, скажем, великий Род отдаст свое Перо рыбам или муравьям? Как другие посмотрят?

По звездному небу скользнула громадная тень, закрывая яркие россыпи. На миг блеснул красный глаз, горящий нечеловеческой злобой. Пламя костра слабо колыхнулось. Лиска брезгливо сбросила щелчком с плеча упавшую шерстинку, длинную и острую, как сосновая игла.

Олег пожал плечами:

– Рыбам или муравьям не даст, но кому бы ни вручил – лешим, упырям или великанам, – остальные умолкнут в тряпочку. За спиной того, кому отдал Род свое Перо Власти, всегда будет маячить грозная тень самого Рода! А с ним не поспоришь.

Мрак умолк, возразить нечего, но брови приподнимались, тяжелые складки на лбу собирались такими жесткими валиками, что на них можно было бы загибать гвозди. Его руки сами по себе через равные промежутки подбрасывали в огонь веточки, а глаза то и дело останавливались на Олеге, Таргитае, женщинах. Его привыкли знать сильным и все умеющим. Он, правда, и сам считал себя таким. Но его считали еще и бесстрашным, а вот в этом ошибались.

Совсем недавно до судорог страшился навсегда остаться волком, ибо таково было проклятие его рода: никто из мужчин старше тридцати не остался человеком. Все растворились в лесу, и кто знает, сколько сгинуло под секирами и рогатинами односельчан и даже родни, когда с последними гаснущими остатками разума приходили на звериную охоту к смутно знакомым местам?

Да, благодаря песням Тарха он остался человеком. Не просто человеком, а человеком из племени невров, что вольны перекидываться в волка и обратно. Страх ушел, но тут же явился другой... В его теле дремлет яд, что не выносит снега. Не сама смерть страшна, ибо смерть от яда можно приравнять к почетной смерти в бою. Страшно не увидеть ту, которую закрыл грудью, приняв отравленный клинок...

Он вздохнул тяжело, пламя колыхнулось на ту сторону, там взвизгнула Лиска.

– Пора, – сказал он, поднимаясь. – Заночуем как люди!

– И поедем, – добавил Таргитай мечтательно. Олег метнул на него удивленный взгляд, Таргитай пояснил поспешно: – Разве это еда? Так, на один кутний зуб.

– И чтобы постель, – добавила Лиска.

Кора уточнила:

– Пусть на сене, но чтоб как постель, а не все вповалку...

Их взгляды скрестились на Олеге. Волхв вздрогнул, вклинился между Таргитаем и Мраком. Мрак злорадно отодвинулся еще дальше, позволяя и рыжеволоске втиснуться, за что Лиска подарила взгляд такой горячей благодарности, что у Мрака от неловкости вспотела спина.

Над головами раскачивалось темное небо с россыпями колючих звезд. Самая яркая смотрела через настолько ветхое облако, что Таргитай тут же увидел его как одежду молодого нищего, под которой скрывается чистое яркое сердце...

Он начал прикидывать, не вставить ли в песню, но облако медленно перетекло из ветхой одежды в отвратительного дракона, что заглотил звезду, а та бродит по внутренностям, натываясь на ребра, просвечивая, пытаясь прорвать толстую кожу, кое-где истончая... и вот наконец прорвалась, победно озарилась... Хотя не совсем прорвалась, виден приподнятый хвост дракона, звезда вывалилась у него из-под хвоста. Не совсем чистая, вроде потемнела малость...

Он вздрогнул, этот образ совсем не для песни, разве что для грубого Мрака, бегом пустился догонять четверку.

Призрачный свет падал на деревья, высвечивая верхушки, а все остальное пряталось в такую тень, что чудилось то страшное, что было до первого дня творения. Из черноты стрекотали неутомимые кузнечики, над головой тяжело прогудел жук. Земля под ногами еще казалась теплой, недавно прогретая солнцем, но от кучек деревьев несло ночным холодом.

Олег тихохонько догнал Мрака, пошел рядом. Мрак слышал его мерные шаги, затрудненное дыхание. Волхв что-то хотел спросить, но не решался. Но Олег есть Олег, даже когда трусит, он заставляет себя сделать шаг.

– Мрак, – слышался его голос, в котором были тревога и недоумение, – я одного не понял...

– Счастливец, – позавидовал Мрак.

– Почему?

– А я ни черта в жизни не понимаю. Чем больше узнаю, тем больше запутываюсь.

– А-а-а-а... Нет, я о другом, помельче. Не о целом доме, а о кирпичике... Но понять надо, раз уж из кирпичиков...

Мрак скривился:

– Ну, говори.

– Ты сказал, что повязка сползла...

– Сказал.

– Но как могла сползти, если застряла бы на твоих ушах? Они у тебя не больно гнутся. У коровы бы – да, но ты не совсем корова... Человек не совсем, но не корова же? Да и глаза закрыла бы. Да не корова, а повязка! Правда, для тебя нюх важнее, но и глаза все-таки... Да и нос мешал бы. Хотя если приплющить... Нет, все-таки мешал бы.

– А рот? – бросил Мрак ядовито.

– Ну, рот проскочила бы, – рассуждал Олег. – Губы у тебя не те, что у Тарха. Но дальше вовсе какая-то дурость!.. У тебя ж плечи – ого! Даже о-го-го.

Мрак не слушал занудные рассуждения, шел, оглядывался на женщин. Обе притихли, чувствуют неладное. Звезды заливают землю призрачно-мертвым, но ярким светом. Лес чернеет в сторонке, они идут вдоль реки, памятуя, что люди всегда селятся вблизи воды. Над головами качается звездное небо, странный купол с великим множеством ярких и тусклых звезд, холодных и подмигивающих, серебристых, красных, даже оранжевых...

Не прошли и версты, как призрачный свет захватил страшноватые резные столбы, приземистые плакучие ивы, оттуда донеслось раздраженное карканье воронов, однако Мрак вздохнул с облегчением. Если погост, то и село уже близко, деревня или хотя бы весь. По всему кладбищу торчат яркие, как серебряные, вершины кустов, остальное в черноте, кое-где белеют березы, а столбы почернели, холмики почти сровняло с землей... Нет, вон свежий столб, так что люди поблизости еще живут.

Он углубился в думы, а Таргитай засмотрелся на дальние могилы. Там, скупо освещенный звездами, огромный косматый мужик, весь в лохмотьях, сквозь которые просвечивает старческое высохшее тело, дрался с мертвецами. Двух сумел сбить на землю могучими ударами, мертвяки уползли обратно в могилы, тихо подвывая от страха и жалости к себе, но третий подкрался сзади, ухватил мужика за шею, давит страшными костлявыми пальцами.

Даже при свете звезд было видно, как потемнело лицо ведьмака, хотя откуда кровь, ничто не должно приливать к его жуткой харе. Он ухватился за пальцы, пытался оторвать, мертвец давил изо всех сил, а тут зашевелилась земля еще на двух дальних могилках, показались костлявые пальцы.

Те мертвецы выбирались медленно, но их пустые глазницы уже были направлены на борющихся. Таргитай не выдержал, побежал по кладбищу, перепрыгивая земляные холмики, ударил кулаком по затылку напавшего на ведьмака сзади. Череп хрустнул и рассыпался грязными черепками.

Ведмак стряхнул с горла костяшки, с трудом перевел дыхание. Двое мертвецов уже вытащили ноги из земли, пошли на него. Ведмак прохрипел все еще перехваченным горлом:

– Спасибо... Скажи тем... в селе... мак, дурни, забыли...

Мертвяков встретил кулаками, Таргитай отступил, фигуры Мрака и Олега едва мелькали в темноте. Устрашенные женщины бежали впереди, оглядывались и визжали. Пришлось мчаться напрямую через кусты и могилки, прыгать как козы.

Мрак оглянулся на шум, пожал плечами, а Олег бросил недовольно:

– Что ты везде лезешь?.. Он здоровый, отобьется.

– Да, его чуть не прибили!

– Ведьмак всегда побеждает, – заметил Олег поучающе. – Правда, что-то их повыползло многовато... Видать, какой-то мор был. Обычно по одному.

Мрак оглянулся на ходу:

– А если ведьмак не задержит, эти явятся в село?

– И такое бывает, – вздохнул Олег. – Мертвое хватает живое, так всегда.

Таргитай вспомнил:

– Он еще сказал, что мак забыли!

Мрак уходил, не слышал или не обратил внимания, а Олег наморщил лоб:

– Мак... При чем мак?... А-а-а, чтобы избавить от второй души, нечистой!.. Черт, простое людье всегда забывает, что у ведьмаков по две души, чистой и не совсем... Ладно, когда придем в село, скажи войту.

Далеко на краю кладбища, прямо на дороге, ведьмак мужественно дрался с мертвецами, не пропуская их в село. Обе женщины смотрели на Таргитай со страхом и восхищением. Он приосанился, все-таки доброе дело сделал, помог человеку... ну, который остался человеком и там, за порогом.

Лиска тихонько попросила:

– Таргитай, иди к нам! Ты такой смелый...

– Потому что дурной, – сказал Олег уязвленно. – Он не знает, что чем тише едешь, тем дольше будешь.

– Тем дальше, – поправил Таргитай с недоумением.

– Чем тише едешь, – громыхнул Мрак свою мудрость, – тем морда шире!.. Олег, зачем тебе морда? Не воевода, поди, а волхв... Правда, чем больше богам жертв, тем волхвы толще. Правда, и боги... Вон посмотри на Тарха. Морда скоро в кувшин с молоком не будет влезать.

Таргитай обиделся:

– Ты чего? Она и так не влезает!

– Вот видишь, – согласился Мрак, – уже не влезит! Или не влезает, как твердит волхв. А что будет, когда для него в каждой деревне по девке топить будут?

Таргитай от обиды даже сбился с шага, сразу спины оборотня и волхва начали отдаляться, загораживая женщин, все двигались ровно и споро, как олени в знакомом лесу. Хотя для неврам любой лес – родной, но все же обидно насчет кувшина: у кого морда в кувшин влезет, у журавля разве что? Или у цапли... У аиста тоже влезет, даже у Олега, может быть, влезет, когда он в птицу махнет, все-таки рыло вытянуто, даже не рыло, а клюв...

– Подождите! – заорал он. – Когда это для меня девок топили?

Но безжалостные люди, за что только друзьями зовутся, уже скрылись за деревьями, а в одиночестве страшно всякому, для бога так и вовсе смерть. И Таргитай ощутил, как навстречу ринулись деревья, замелькали справа и слева. Кусты трещали и хлестали по сапогам, когда он с разбегу перепрыгивал, нимало не заботясь, что там за зеленой стеной: ровная травка, коряга или выворотень с острыми сухими корнями.

Глава 4

Дорога становилась утоптаннее, под звездами заблестели, словно золотые, хатки, крытые соломой. Все невольно ускорили шаг.

Крайняя вросла нижними венцами в землю, а солома на крыше прогнила, свисала неопрятными космами. Мрак на ходу заглянул в окно: полутемная комната, треть занимает, как водится, печь, от нее тянутся полати, к окну придвинут стол, за столом в темноте угадывается лавка. На столе пламенеют диковинными цветами пять расписных ложек. Понятно, в доме три женщины и двое мужчин. Мужские всегда шире, а донышко оттопыренное. Одна с обугленным пятнышком на рукояти: прижигали, чтобы приворожить. Лежат выемками вниз, значит – наелись, а что оставлены на столе после еды, то для того, чтобы всем быть на том свете вместе. Дружная, значит, семья.

– Но бедная, – сказал он со вздохом. – Топаем дальше. Вон следующая вроде бы получше.

Второй домик огорожен, в отличие от первого, но такой забор любая коза перескочит, а через щели кур перетаскают как хори, так и лисы, вон лес темнеет за околицей. По ту сторону забора видны грядки, так что хозяин, скорее всего, простой халупник.

– Дальше, – определил он, – здесь живут лодыри.

Олег сказал с неудовольствием:

– Почему обязательно лодыри?

– А что, не видно?

– Может быть, просто мыслящая натура. Не до мелочей жизни...

Мрак хмыкнул, даже спорить побрезговал, шел дальше, пока не остановился возле пятой хаты от края. Просторная, хотя и в явном запустении. Во дворе истошно забрежал пес, но ветер донес во двор запах Мрака, пес в ужасе завыл и забился где-то во тьму, затих, но было слышно, как шумно дрожит и поскуливает.

Олег дотянулся через невысокий забор посохом, так упорно называл дротик, постучал по закрытым ставням. Выждал чуть, заколотил сильнее. Сквозь узкую щель, стебель не просунуть, пробивался узенький, как лезвие ножа, оранжевый лучик. Не лучина, у той красный оттенок, явно у хозяев горит настоящий светильник со свиным или бараньим жиром.

Таргитай шумно вздохнул, женщины понуждали Олега стучать громче, он заколотил сильнее. Наконец лучик перекрыло темным, глухой голос спросил сипло:

– Кто там?

– Мы, – ответил вместо Олега Мрак.

– Кто это?

– Люди, чудак, – ответил Мрак громче. – Да не сиди там. Выйди посмотреть, какое счастье подвалило.

Слышно было, как за ставнями затопало, грянуло, а после долгой паузы закричала дверь в сених. В освещенном проеме возникла приземистая фигура лохматого мужика с топором в руке, деревянный щит в другой. Он подслеповато всматривался в темень:

– Ну, кто там такой смелый?

– Здравья тебе, – поприветствовался Мрак. Он отступил в сторонку, чтобы оказаться в полосе света с головы до ног. – Ты отважный, ничо не скажешь! Другие боятся нос высунуть.

– А мне терять нечего, – ответил мужик настороженно. – Да и взять у меня неча. Кто будете?

– Счастье твое, – сказал Мрак значительно. – Как тебе повезло, я просто завидую!

Видно было, как мужик раскрыл рот, оглядел странников, посмотрел во все стороны, но нигде мешка с золотом пока не видно.

– Чего?

– Повезло тебе, говорю, – объяснил Мрак. – Гость в дом, бог в дом, верно?... Мы твои гости. Давай пои и корми, спать как-нибудь сами уляжемся.

– Разве что ноги укроешь, – сказал Таргитай. – Одежда у тебя есть? А то у меня зябнут.

Рожа мужика сразу вытянулась, он невесело смерил взглядом гигантскую фигуру Мрака, да и двое других почти не уступают, откуда только такие и вышли, разве что из леса, а две девки с ними настолько тощие и злые, что всю живность поедят... Особенно забеспокоился за кур, когда встретился взглядом с маленькой и рыжей с желтыми глазами.

– А может, – предложил он без всякой надежды, – на постоянный двор? Там и корчма...

Мрак облизнулся, но возразил:

– Мы с женщинами, не зришь?... Приличные! Нам с ними в корчму никак. Мы в корчме не утерпим, мы там... гм... погуляем, а им это никак видеть не пристало. Так что давай оказывай гостеприимство, мы с дороги так устали, что в брюхо хоть сапог вбей!

– Ладно, – ответил мужик со вздохом. – Меня зовут Сидор, я живу один, так что разносолов не ждите. Колодец во дворе, вода чистая, жабы кому мешают, а сена в сарае много. Можете пожевать, если голодные, а нет – так отоспитесь с дороги.

Мрак увидел, как удивленно и настороженно вскинулся Таргитай, отступил, едва не упал через порог, огляделся по сторонам. Кивнул Мраку, чтоб не беспокоился, отступил неслышно, тьма проглотила без звука, как трясина глотает комья мха.

Озадаченный Мрак поинтересовался:

– А чего ж такой бедный? Ленивый?

Мужик тяжело вздохнул:

– Просто я такой одинокий... Чего стараться, у меня никого нет, кроме этой собаки... Да где же она?

Олег посоветовал:

– Так заведи еще одну собаку!

Мрак вытащил золотые монеты.

– Раз одинокий, то сбегай в корчму, принеси поесть. И пить, конечно.

Мужик расширенными глазами посмотрел на горсть монет, руку ему заметно тянуло вниз, даже мышцы напряглись под полотняной рубахой.

– Ого! Кого же это вы уколошили... Сейчас сбегать! Девки тоже звать?

Мрак крикнул с укоризной, указал глазами на Кору и Лиску. Мужик выставил ладони, сочувствовал, все понял, поклонился и побежал со двора. У калитки едва не столкнулся с Таргитаем, тот пятился из тесного закутка между хлевом и курятником, на голове дударя были перья. Мрак пожал плечами, широким жестом пригласил женщин в дом.

– Сейчас принесет, – объяснил он. – Перекусим чем бог послал... черт, эти монеты я взял, бог хлебалом щелкал да дуду свою слюнявил!.. Олег, вон ведро, принеси воды. Из колодца, не перепутай со свиным корытом.

Олег ухватил ведро, он чувствовал себя виноватым, все-таки обе женщины таскаются за ним, выскочил опрометью. Мрак посмотрел в окно, мимо колодца как раз прошел Таргитай, всматривался в землю, будто разбирался в следах.

Женщины на крыльце вытряхнули пыль, хотя какая пыль на небесах, зато можно раздеться да грациозно повыгиваться, вроде что-то выколачивая. Мрак тяжело опустился за стол. Не хотел признаваться, но раны изнурили, в глазах иной раз темнеет так, что видит только блуждающие огоньки. Яд затих, но тело терзает слабость, будто три дня не ел, а перетаскивал горы.

Через крохотное оконце видел, как во дворе мелькнула тень дударя, потом появился он сам, облепленный сеном. Снова заглянул в курятник, исчез, словно щупал кур, вылез, пятясь задом, перья уже не только в волосах, но и на ушах, осмотрелся и, как Мрак и подумал почему-то, поперся вдоль забора в дальний конец огорода.

Заскрипела калитка, Сидор едва протиснулся с огромным мешком на спине, его раскачивало. Мрак с тревогой подумал, что дурень мог нагрузиться вовнутрь раньше, чем загрузил мешок, теперь там может быть всякая гадость. Но, должно быть, тому помогали: в мешке кроме печеного кабана, еще горячего, исходящего вкусным ароматом, оказались три каравая хлеба, тоже горячие, только из печи, а еще сыр, тяжелый бурдюк, в котором булькало и переливалось, две жареные утки...

– Ну ты и лодырь, – возмутился Мрак одобрительно, – готового набрал! Уток мы могли бы и здесь... Или у тебя и дров нету?

Сидор помотал головой:

– Все будет! У меня еще три твои монеты. Дров возьмем у соседа справа, я у него всегда таскаю, уток и кур – у соседа слева, а годовалый кабанчик есть через два двора...

– Добро, – сказал Мрак. – Олег, зови Тарху! Что он там, песни так складывает?.. Женщины наши кончили воду переводить?

Кора и Лиска, стараясь показать себя друг перед другом, мигом накрыли стол, расставили все красиво и умело, Кора явно опережала Лиску, у той глаза от злости и ревности из желтых стали зелеными.

Таргитай вдвинулся в комнату, нагнулся, стараясь не задеть лбом низкую притолоку. Вид у певца был измученный. Не успел Мрак ядовито поинтересоваться, что именно искал по сараям, Таргитай обратился к Сидору:

– Послушай, хозяин... а где твоя коза?

Тот опешил:

– Коза?

– Ну да, коза.

Сидор наморщил лоб, звучно поскреб в затылке, наконец просиял лицом:

– А, коза!

– Коза, – подтвердил Таргитай.

– Коза, значит... А зачем? Для каких, извиняюсь, нужд?.. Все-таки с вами две девки...

Таргитай объяснил терпеливо:

– Я певец, слагатель песен, понимаешь?.. О твоей козе весь мир в лапти звонит, я просто обязан увидеть такое чудо. Может быть, даже спою про нее.

Сидор сокрушенно развел руками:

– Нет у меня моей козы. Как ни порол, а все равно такая подлая тварь уродилась, что никаким битьем не исправишь. Хуже бабы, правда!.. Ну, почти хуже. Продал. Пусть теперь другие мучаются.

Мрак посочувствовал:

– Правильно. Из плохой козы не сделаешь хорошую девку. Да и зачем козу портить?..

Его руки между тем умело разделявали кабана, нож у Сидора всего один, а с топора есть как-то неловко при женщинах. Последние две недели не помнили, ели ли вообще, а сейчас насыщались, как три голодных кабана желудями, потом ели уже как гуси, неспешно, но все подряд, а когда пришла пора выклеивать самое лакомое, рассмотрели, что уже едва не погрызли и деревянные миски, на которых блестят остатки горячего сока.

Женщины ели без торопливости, показывали красивые руки, вежество, с двух сторон подкладывали Олегу самые лакомые куски. Таргитай уже начал поглядывать завистливо, в волхвовстве что-то есть, только Мрак посмеивался уголком рта: у кого длинные руки, тот сам достанет.

Сидор поинтересовался с набитым ртом:

– Долю пытаете аль от доли лытаете?

– Беду на свои задницы ищем, – объяснил Мрак любезно.

– Кто ищет – тот всегда найдет. Особо такое... Как говорится: смелый сам себе беду найдет, а на тихого бог нанесет.

– Это точно, – согласился Мрак. Он показал Таргитаю кулак. – Мы такие тихие, такие тихие!..

Сидор поинтересовался:

– В лес небось собрались?

– Точно, – удивился Мрак. – А что, может быть, даже знаешь, куда нам?

– Бог дорогу укажет, – сказал Сидор значительно.

Мрак с сомнением взглянул на Таргिताя:

– Тогда мы пропали!

– Вот-вот, – сказал Сидор. – Сильна рука бога!

Таргитай углядел на печи миску с крупными орехами, тихохонько взобрался на самый верх. Орехи все как на подбор, скорлупа тонкая, а ядрышки сочные, блестящие...

– Сильна, – согласился Мрак. Он зевнул, начал вставать из-за стола. – Это ты в самую точку.

– Все мы под богом ходим, – вздохнул мужик.

Мрак покосился на печь, Сидор прав, Таргитай в самом деле уже там, на самом верху, чешется, перекосив харю, а пасть работает, как ветряная мельница, с хрустом перемалывая орехи сразу горстями.

– А богу сверху видно все, ты так и знай!

Мрак проворчал:

– Наш бог хоть и видит, но больше любит авось, небось и как-нибудь.

Мужик распахнул рот:

– Да неужто?.. Такой бог?.. Быть того не может!.. А наш все чего-то требует! Нет, ваш лучше. Как, говоришь, его кличут?

Олег злорадно улыбался, видя, как Мрак сопит и грозно сдвигает брови, но богословские диспуты – это не секирой отмахиваться, оборотень в конце концов кивнул на волхва, вот тебе умелец по богам, да не только, как оказалось, по богам.

– Нашего бога зовут Сварог, – объяснил он Сидору, пожалев оборотня. – На нашего бога надейся, но сам к берегу гребь. Да и вообще ручками двигай, мозгами шевели. А то с таким богом... гм... Нашему богу закон не писан!..

Мрак не дослушал мудрствований, тихонько вышел. Свежий ночной воздух наполнил грудь с такой поспешностью, что Мрак закашлялся. В боку кольнуло, он ощутил мокрое, словно приоткрылась ранка.

В темноте со стороны сарая доносилось довольное конское фырканье. Глаза уже привыкли, он различил стройный силуэт Кору, она расчесывала коню гриву, гладила, что-то шептала в оттопыренные уши. Мрак подошел, кивнул одобрительно:

– Лучшая скотина после человека!.. А то лучше человека даже.

Кора слабо улыбнулась, но вдруг без всякой связи сказала горячо:

– Ну и что? Я тоже могу ездить на коне. Я утку на лету бью из любого лука!.. Я не буду помехой. Зато пригодиться смогу.

Она с надеждой поглядывала в сторону хаты, но в окнах уже было темно. Олег если и не спал, то предпочитал не высовываться. Он знал, как бить Ящера по голове, но не умел разговаривать по-мужски с женщиной, а тут ему подбросили сразу двух.

– Может быть, – согласился Мрак, – может быть, когда-то и настанут времена, когда мужчины охилеют настолько, что женщинам придется коня на скаку, в горящие избы, воевать, даже работать... но пока что мы есть на это, а вас бережем для других нужд. Иначе урон нашей мужской чести будет, поняла?

– Нет, – ответила она сердито.

– Жди нас, – велел Мрак.

– Что ж я, должна сидеть, как дура, возле окошка, ждать и потом выбегать навстречу с радостным визгом?

– Зачем? – удивился Мрак. – Можешь выйти навстречу с целым выводком. Ты вон какая здоровая, у тебя детки пойдут крепенькие да веселые!.. Я не указываю пальцем на Сидора, но уж больно сразу он начал причитать, что такой одинокий и что, кроме собаки, у него никого нет... Главное, что теперь тебе никто никого не навязывает: ни родители, ни соседи, ни вся родня, что всегда наперед знает, кому с кем и когда.

Он умолк на полуслове, на крыльцо вышел отяжелевший Олег, следом Таргитай, слышно было, как оба мощно вдохнули свежий ночной воздух. Таргитай закашлялся, завопил, ругая жуков, что летают как дурные, прямо в рот влетел, дурак слепой, а еще с крыльями.

Олег сел на ступеньки. Красные волосы под светом звезд стали серыми, он казался седым и очень старым, печальным. Мрак похлопал Кору по крутому плечу, как хлопал бы упитанную лошадь по крупу, пошел к друзьям.

– Что будем делать? – спросил он с ходу.

Олег подвинулся, Мрак опустился рядом. Таргитай навалился наеденным брюхом на перила, те сразу затрещали.

– Можно, конечно, незваными припереться в Долину Битвы Волхвов, – предложил Олег, – и там орать, что мы, люди, мир спасли, это надо зачесть при раздаче пряников...

Таргитай возмутился:

– Ничего себе пряник! Власть над миром.

– А что можно еще? – поинтересовался Мрак.

Судя по его виду, он как раз и собирался идти прямо в Долину, но не изощряться в своих правах, а просто бить по голове всех, кто восхочет стать властелином всей земли.

– Не знаю, – признался Олег.

Таргитай подумал глубокомысленно, предложил:

– Надо сходить к упырям... или к этим, лешим.

– Зачем?

– Поговорить по-доброму! – сказал Таргитай убежденно. – Им станет стыдно, сами откажутся. И упыри, и лешие, и даже боги. Нам отдадут это самое Перо.

– Перо не у них, – напомнил Олег.

– Попросят Рода, чтобы нам отдал!

Мрак что-то прорычал, словно с треском грыз кости, а у него пробовали отнять, Олег скривился, будто пожевал кислицу:

– Догонят и еще дадут.

А Мрак крикнул зло:

– Еще и нас станут упрашивать, чтобы взяли. А знаешь, Тарх прав...

– Я всегда прав! – вскричал Таргитай.

– Поздравляю, – сказал Олег оборотню.

– Спасибо. Лучше, как говорит Тарх, пойти к упырям, лешим, а понадобится – то и к богам. Когда все соберутся в Долине, то руки отмашешь, не одну дубину разобьешь!.. А так можно с каждым в отдельности, как Таргитай говорит, побеседовать, усостыжить.

Таргитай едва не повизгивал, даже Олег задумался, морщит лоб, хотя и так все ясно. Мрак хоть и лохматый, а сразу понял и согласился.

– Значит, с утра в лес? – спросил Таргитай, но в вопросе было больше утверждения. – Если не на упырей, то на леших напоремся. Их как сосновых шишек! Там на месте сообразим, как и что...

– На месте, – обронил Олег горько.

– А что?

– Нам вечно не хватает времени, – сказал Олег с отчаянием. – Мы кидаемся спасать... но не успеваем даже по дороге сообразить, как спасать, что делать для спасения!.. Что делать правильно.

Мрак громыхнул:

– А что непонятно? Как говорит наш Тарх, будем усовещивать поодиночке. Вот только секиру наточу, а то щербинку заметил.

Олег сказал несчастливо:

– Ты не понял. Поговорить с ними, пообщаться, понять их мысли, чувства, стремления... Может быть, они лучше нас! Может быть, Перо им и надо отдать по праву? Мы же ничего не знаем. Мы только знаем, что если чужие, то бей по голове! Сразу, ничего не спрашивая. А упыри, как я знаю от Боромира, самый древний народ на земле. Их создали даже раньше богов. Не может быть, чтобы не накопили великой мудрости, что доныне им неведома истина, даже Великая Истина...

Таргитай слушал, развесив уши, челюсть отвисла. Мрак махнул рукой, поднялся, не спорил. Пока что миром правят не те, у кого великая мудрость, а у кого дубина больше.

– Спать, – распорядился он. – А то вот-вот рассветет.

Таргитай вздрогнул:

– А?.. Что?

– Стоя спит, – сказал Мрак со злым восхищением. – Ну, Тарх, быть тебе не простым богом, а великим!.. Лодырей на свете больше, чем... чем людей.

Олег обхватил Таргिता за плечи, тот все равно не проснулся, увел причуду небес на сеновал. Сидор сказал, что если оголодают, то можно и сена пожевать, так что надо попробовать покормить Таргिता. Хоть и бог, а во сне пожрет все, что ни подсушь.

Мрак проводил долгим взглядом их залитые звездным светом фигуры, но искоса следил и за движением на пороге развалюхи, что когда-то была сараем. Когда друзья исчезли, слышно было, как шебаршатся, укладываясь, он поднялся, держал взглядом Лиску, что, не замеченная Олегом и Таргитаем, сидела сиротливо на пороге.

Она торопливо вытерла слезы, а когда Мрак подошел и сел рядом, у нее был прежний надменный вид, а нос заодно вздернут. Только на щеках все еще блестели мокрые дорожки. Ее желтые звериные глаза светились хищно, свирепо. Мраку чуть улыбнулась уголке губ, ноздри вздрогнули пару раз, ловя запахи.

– Не могу спать... – признался он. – Аж лапы дергаются... то есть руки... так хочется пробежаться по селу, загрызть какую скотину... Чую коров, телят, а свиней тут целые стада!.. Давно не смаковал во рту живой крови...

– И я, – ответила Лиска тихо.

Она отводила взор, но смотрели оба в одну сторону. Звезды освещали соломенные крыши, сараи, далекие плетни, а еще дальше темнела стена загадочного леса. Оттуда шли настоящие будоражащие запахи.

Мрак проговорил мечтательно, так непривычно светло для грубого оборотня:

– Лес... Деревья... Как пахнет живицей!.. Даже сейчас, ночью. А днем жуки гудят, сладкий сок сосут, пчел отпихивают... На каждом дереве птицы верещат, в кустах птичьи гнезда, там яйца на выбор... Эх, как давно я не рыскал по лесу в волчьей шкуре!

Лиска кивнула, в глазах ее были благодарность и понимание:

– Ты все понимаешь.

– Еще бы, – согласился Мрак. – Я-то понимаю, я ведь настоящий волк, а не какая-то там рыжая, что курей крадет. Волк чует запах оленя за версту, а если стадо свиней прет, то и за две!.. А когда птицы по кустам начинают гнездиться, я издали скажу, сколько в гнезде яиц будет...

Лиска вскинулась:

– Подумаешь! А я даже знаю заранее, в каких кустах какие эти, что в перьях, гнезда начнут вить!

– Бреешь, – не поверил Мрак.

– Могу, – обиделась Лиска. – Я ж не тупой волк, что мельче лося ничего не видит! Я могу разглядеть заячьи уши знаешь за сколько верст?..

– Ну, зайца... Зайца и лось углядит! А мышь?

Лиска фыркнула:

– Мышь!.. А ты знаешь, кто по мышам лучший охотник?

Мрак знал, потому и спросил, теперь слушал, как Лиска торопливо, захлебываясь словами, рассказывает тонкости мышинной охоты, где приемов и хитростей куда больше, чем в простой гонке за дурными зайцами.

Глава 5

Олег дернулся, но проще вырваться из-под обрушившейся скалы, чем из-под ладони, что зажала ему рот. Он замычал, знаками показал, что все понял, молчит, как сушеный гриб на морозе. В темноте жутко горели желтые глаза оборотня. Мрак приложил палец другой руки к губам, медленно отнял ладонь:

– Пора.

Олег шевельнул губами, Мрак с его чутким волчьим слухом уловил, что спрашивает волхв, кивнул:

– Буди Тарха. А я оседлаю коней.

– Коней?

– Я уже сторговался тут с одним. Или ты понесешь нас в вихре?

– Если бы знать куда, – ответил Олег шепотом, – а...

Он замялся, глаза трусливо ускользали то вправо, то влево, а то и вовсе начинали ковырять дырку в земляном полу. Мрак качнул головой:

– И тебе не стыдно их будить так рано?

– Стыдно, – ответил Олег с облегчением.

– Вот и пусть спят.

На дворе уже бледный рассвет, а далеко на востоке чуть окрасился алым край земли. Небо постепенно светлело, звезды почти все втянулись обратно в небесную твердь, как улитки рожки, лишь самые крупные еще поблескивали над темными вершинами далекого леса.

Олег поднял Таргитая, вытащил наружу и держал обеими руками – дударь все еще не мог проснуться, Мрак вывел коней. У седла одного висели в широких ремнях огромная дубина и секира на длинной рукояти. Мрак на вопросительный взгляд волхва пожал плечами: мол, сторговал задешево, а секиру не бросать же, такой прелестью можно разбить не одну голову.

– А ножи? – спросил Олег шепотом.

– И ножи пригодятся, – огрызнулся Мрак. – Лучше тебя выброшу, чем оружие.

– Мрак...

– А че?.. Мужчина при оружии – вдвойне мужчина. А если еще и не шибко грамотный, так и вовсе герой.

Сонный Таргитай клевал носом, но истинный борец за справедливость не может смолчать, когда обижают человека:

– Грамотные тоже люди.

– Люди все разные, – ответил Мрак. – Есть воины, ими движим мир, есть волхвы, эти похуже, но тоже люди, есть совсем лодыри... но их тоже зачем-то создал Род, если их в самом деле создал он, а не... гм... ну а есть и вовсе... тьфу, боги, которые на трех свиней корма не разделят...

Он швырнул ему, как Таргитаю почудилось, свежесодранную волчью шкуру:

– На. Рубаха у тебя, конечно, с петухами, но в лесу останешься голым.

Таргитай с готовностью, хоть и с жалостью, сбросил порванную одежду – больно красивая, но в волчовке, понятно, любой сучок скорее обломится, чем порвет волчачью кожу.

Мрак вспрыгнул на коня, Олег уже трусливо вертелся возле ворот. Таргитай взобрался на своего коника, и прохладный утренний воздух сразу превратился в холодный встречный ветер. В ушах засвистело, захлопало, волосы трепало, а кожа на лице от холода сразу огрубела и растеряла ночную мягкость.

Копыта дробно стучали по утоптанной дороге. По обе стороны тянулась распаханная земля, потом пошла степь. Утренний воздух был колючим, наполненным сыростью, но зверье

уже носилось в густой траве, а насекомая мелочь жадно слизывала росу, пока та не исчезла под лучами солнца.

Конь Олега скакал в сторонке, волосы трепетали, как жаркое пламя, но лицо волхва было мертвенно-бледным, нос заострился, скулы торчали остро, натягивая сухую кожу. Зеленые глаза неотрывно смотрели вдаль, друзей не замечал.

Мрак пустил коня вскачь рядом, бросил с преувеличенной беспечностью:

– Не грусти! Я говорил с ними. Кора найдет себе хорошего человека, она просто создана для семьи. А Лиска уже душой там, в чаще. Она бы с нами тосковала по лесу, по своему племени.

– Ты прав, – ответил Олег нехотя, но глаза все так же смотрели только вперед.

– Разве ты хотел бы сделать их несчастными?

Олег наконец оглянулся на село, где остались Кора и Лиска, вздохнул:

– Ты прав. Друзья приходят и уходят, а враги остаются. А то и плодятся, как тараканы.

Сзади донесся довольный вопль певца:

– Тараканы? Тараканы – к деньгам! Это хорошо, что тараканы. А то скоро есть будет не на что.

При каждом конском скаке в его неплотно привязанной суме звякало и постукивало. Так, пустячки: золотишко из дворца Перуна, камешки... Но дурень прав, при их простодырости все это уйдет, как вода сквозь пальцы.

И все же Олег чувствовал, что без стыда может смотреть только перед собой, там цель, там великая цель, там обязанности для мужчин. На Мрака не оглядывался, да не увидит тот в его глазах стыд, что сбежал все же трусливо, не решившись на разговор, схоронившись за спиной бесцеремонного оборотня.

Не замедляя галопа, пронеслись через лесок. Дорогу перегородила река, широкая и страшноватая, но волчье чутье вывело на мель, а затем и на брод. Правда, в одном месте все же пришлось плыть рядом с конями, но на берег выбрались, хоть и мокрые с головы до ног. Солнышко уже выглянуло над лесом, от одежды пошел пар.

Еще когда мчались через первую деревню, несчастный Таргитай взвыл:

– Мрак!.. Мы ж еще не ели!

– А вчера? – удивился Мрак. Ветер срывал его слова и уносил, отчего они показались Таргिताю совсем уж злыми и равнодушными.

– Олег! – воззвал он. – Скажи ему, что лучше каждый день есть!

Олег молчал, взглядом подгонял деревья, что неслись навстречу, зелеными тенями проскакивали по бокам и смыкались сзади, отгораживая от двух женщин, о которых надо заботиться, потому что женщины, потому что слабее, потому что долг всякого мужчины заботиться о женщинах, своих или чужих. Мужчины для того и существуют, чтобы беречь и защищать женщин, через которых великий Род осуществляет свой замысел!

Похоже, и Мраку трудно оставить их вот так, хотя он успел шепнуть, что обе будут больше счастливы без них, чем с ними, но все же оглядывается, нюхает воздух, спешит убраться подальше, отгородиться лесом и рекой... Понимает, что, несмотря на доводы рассудка, кто-нибудь из них, а то и как раз вопреки этим доводам...

В небе заливался жаворонок, потом озадаченно умолк посреди витиеватой трели. Мрак и Олег не заметили, но Таргитай, чуткий к песням, сразу вскинул голову.

По синему-синему небу медленно тянулся оранжевый след, словно ползла крохотная золотая гусеница, роняя шерстинки. Эту шерсть раздувало ветром, ибо след вначале был тонкий, как острие сосновой иглы, а потом ширился все больше и больше, теряя блеск, пока шерсть не рассеивалась без остатка.

Таргитай сказал встревоженно:

– Только бы жаворонка не заклевала...

Олег очнулся от дум, посмотрел дико:

– Какого... жаворонка?

Таргитай ткнул пальцем в небо:

– Жар-птица пролетела... А там жаворонок пел. Как думаешь, не клюнула?

– В небе места много, – проворчал Олег рассерженно, – разойдутся.

Мрак тоже на скаку задрал голову:

– Ого! Да это Огненный Змей!

Олег покачал головой:

– Точно видишь? Я бы сказал, что просто падающая звезда.

– А почему не вниз, а через все небо к западу?

Олег долго думал, а Мрак ехидно посоветовал:

– А ты ответь, как все волхвы: мол, неисповедимы пути богов!

Олег буркнул:

– Все исповедимо. Рано или поздно, но исповедимо.

Он покачивался в седле в такт скачке, нахмуренный, злой, словно эта падающая звезда, двигаясь не так, как представлялось верным, задела его лично, оскорбила, наплевала с высоты, вытерла свои звездные ноги. Мрак сочувственно покачал головой, но смолчал. Трудную дорогу уготовил себе молодой волхв. Молодой, но из-за того, что постоянно морщит лоб, хмурится, о чем-то напряженно размышляет, даже ему, Мраку, чудится, что волхв старше его по меньшей мере вдвое.

Ехали до обеда, уже шагом, потом скакали вдоль реки, наконец Мрак проворчал:

– Вон там дороги сходятся... Убей меня бог... тьфу!.. если там не корчма.

Только с его волчьим зрением можно было разглядеть перекресток, когда Олег с Таргитаем и эту дорогу видели не дальше чем на версту, дальше все расплывалось в жарком мареве. А когда ветерок поднимал и гнал пыль навстречу, то и уши своих коней видели не всегда.

Следом за Мраком корчму учуяли кони. Подбодрились, начали потряхивать гривами, жеребец под Мраком даже слабо ржанул, призывая других идти шибче.

Дорога, что шла вдоль реки, связывая деревни, села и веси, пересекалась с дорогой из леса. В этой не было видно ни выбитой колеи, ни утоптанной до твердости камня земли, эта дорога не вилюжилась, а тянулась прямая, как копье кочевника, и Олег некстати вспомнил старую поговорку, что тот, кто ездит прямо, дома не ночует.

Слева от перекрестка на синем небе темнела неопрятная соломенная крыша постоянного двора, доносилось ржание, вкусно пахло конскими каштанами. Дом обнесен высоким забором, без щелей, но ворота распахнуты.

Мрак сразу заметил коновязь, ухоженный колодец с воротом, немалый сарай, где разглядывали коней, жующих овес. Двери постоянного двора распахнуты, а судя по веселой песне, на первом поверхе корчма.

Они въехали на середину двора, огромные и настороженные, руки на рукоятках ножей, глаза придирчиво пробежали по открытым окнам, откуда доносился стук посуды, пьяные голоса, песни, веселые выкрики.

Мрак соскочил на землю, распорядился:

– Тарх, тебя кони любят! Позаботься.

Олег спрыгнул следом, с натугой размял застывшую спину. Таргитай подхватил коней под уздцы, хотел повести по кругу, остуживая, но подбежал услужливый мальчишка, явно один из хозяйских сынов, Таргитай отдал с охоткой, а сам спешно догнал друзей уже на крыльце.

Мрак свернул в конюшню, поглядел, куда мальчишка поставил коней. Последние ясли были пустыми. Мрак удивился, что ясли такие маленькие, разве что для жеребенка, да и то...

потом услышал легкий стук маленьких копыт, увидел идущего вдоль рядов крохотного человечка с конскими ушами, покрытого шерстью.

Он кашлянул, чтобы не напугать конюшника, здесь зовомого баганом, у него не такие острые глаза. Когда конюшник испуганно метнулся в сторону, сказал громко:

– Не бойся, я не чужак. Мы коней тут поставим. Ненадолго, нам скоро опять ехать. Смотри, если заболеют, я твои конские уши к дверям прибью!

Из темноты раздраженно пробурчало:

– Неча тут чужих ставить! Своим есть нечего.

– Ищи, – сказал Мрак угрожающе. – Какой же ты хозяин?

– Да хозяин я, хозяин...

– То-то.

Олег и Таргитай ждали на крыльце. Он распахнул дверь в корчму, отшатнулся. Запахи жареного мяса и разваренной гречневой каши ударили с такой силой, что даже Олег сглотнул слюну, а Таргитай за их спинами жалобно взвыл. Низкий потолок едва просматривался сквозь дым, с поперечной балки свисали черные космы копоти.

За всеми столами сидели и насыщались крепкие мужчины. Крепкими выглядели даже те, что явно пахнут землей, но трое-четверо выделяются осанкой и даже одеждой: сплошь умело выделанная кожа, что не рвется там, где полно колючек, сучьев и торчащих веток. Лица грубые и темные от солнца, так что не такие уж дремучие здесь леса.

Олег еще осматривался, приткнуться всем троим негде, а Мрак дружески похлопал одного по плечу:

– Мужик, а мужик!.. Ты уже поел... ах, еще не поел? Ну, все равно, иди на улицу. А мы сядем.

Мужик, а с ним и двое других начали наполняться тяжелой кровью. Глаза налились, как у быков, красным, а массивные кулаки, казалось, прогибают стол. Мрак вздохнул, его рука метнулась к поясу, острый нож блеснул и застыл у горла мужика. Рядом горло другого уже щекотал острым лезвием Олег. В зеленых глазах не было даже злости, как у Мрака, это напугало Таргитая больше всего.

Но это, похоже, почему-то напугало и мужиков. Не говоря ни слова, боясь сделать лишнее движение, тихонько выползли из-за стола, на цыпочках выбрались за дверь. Мрак проводил их недобрый взглядом:

– Вот из-за таких невеж и говорят про нас, лесных людей, всякие нехорошие вещи.

Они спрятали ножи, Олег отряхнул лавку, прежде чем сесть:

– Это про нас, таких овечек?

В голосе было полно яда, но Мрак не заметил. Он привык давать сдачи, как велел Покон, а раз уж приходилось еще и защищать изгоев, то надо успевать сдачу дать раньше.

Таргитай сел тихий, как мышь. Он чувствовал себя слабым и беспомощным. Хуже того, никчемным. Даже Олег вон как... А ножи вместо кулаков затем, чтобы убрались сразу, не довели до драки.

Отрок в замызганной одежке носился между столами, собирал грязную посуду, на новых гостей поглядывал пугливо. Таргитай воззвал жалобно:

– Принеси нам поесть! Я не видел мяса уже неделю!

Отрок, похоже, сжалился, Таргитай выглядел больно жалобным, сказал участливо:

– Хорошо, я покажу котлету. Но только издали.

Мрак хмыкнул, высыпал на стол горсть монет. В корчме мгновенно наступила мертвая тишина. Монеты еще звякали, один золотой долго кружил по столу, никак не мог улечься – грязно. В это время шеи у всех за столами вытянулись, глаза стали крупнее, чем у сов, а из кухни выскочил сам хозяин, мокрый от пота, распаренный и настолько пропахший запа-

хами жареного мяса, вареной рыбы, острыми травами, что Таргитай против желания плотно-ядно облизнулся, а пальцы сделали щепотку, словно посыпал нечто жареное солью.

Хозяин верно оценил новых гостей, ничего не спрашивал, что-то велел двум отрокам, и те начали таскать на их стол все, что было готово. Мясо было жесткое, словно говядина давно кончилась, потому готовили из конины, а теперь и вовсе из телег.

Мрак подозвал отрока:

– Эй, парень! Принеси жареного гуся.

– С удовольствием, – отозвался тот.

– Можно и без удовольствия, – разрешил Мрак, – но обязательно с гречневой кашей.

Гуся, похоже, побежали резать, а пока на стол начали метать жареную рыбу, мелких птиц, лишь затем принесли испеченного в печи кабанчика.

– Вам поросенка с хреном?

Мрак кивнул, но Олег возразил:

– Нет, хрен отрежьте.

Кабанчика на стол ставили два отрока, занял половину стола. Одурачивающий запах ударил в ноздри, а когда Мрак всадил нож в покрытую коричневой корочкой спину, та проломилась с хрустом, запах повалил мощный, сшибающий с ног, обильно потек пахучий сок. Таргитай взвыл, трясущимися пальцами подломил горячий бок и, обжигаясь, вытащил пару ребер, жаренных умело, корочка ломается, как пленка тонкого льда, сладкий сок сразу потек по пальцам, Таргитай жадно слизнул, чувствуя, как его язык начинает доставать до локтя.

Мрак прорычал довольно:

– После такой работы... да поесть в охотку!

Олег хмыкнул набитым ртом. Он насыщался ровно, не кидался за сладкими кусками, как Таргитай, и не выискивал кости со сладким мозгом внутри, подобно Мраку, а, как лесной пожар, подбирал все, что лежало вблизи, и так двигался дальше, к середине стола.

– Хороша награда, – сказал он, – за спасение мира.

Когда кости смели на пол, а взамен кабанчика поставили что-то вроде тазика с жареной рыбой, Таргитай начал насыщаться. Глаза сытые, подернулись пленкой, как у большой сонной ящерицы на солнышке. Однако голову втягивал в плечи, будто ждал тумака в затылок.

– И все-таки не понимаю, – признался он. – Совсем не понимаю. Хотя вы и объясняли...

Олег проворчал:

– Я тоже не понимаю. Мир ничего не замечает!.. Но не станешь же кричать, что мы его спасли?

Мрак сказал ядовито:

– Все-таки хочешь, чтобы весь мир собрался и целовал в задницу? Хочешь, по глазам вижу.

– Ну, не так уж грубо... но чтобы как-то отметились.

– Шапку с лентой аль полоску на портки?

Таргитай смотрел на них непонимающими глазами:

– Это вы опять шутите?.. Вы говорите заранее, когда шутите. Я думал, это забыто с того дерева...

– Какого?

– Ну, когда еще в лесу были. Змея птенцов жрякала... а вы хотели от бедной тетки награду за доброе дело.

Мрак и Олег переглянулись. Олег приставил большой палец к виску и помахал растопыренными пальцами. Мрак буркнул:

– Хотя какая разница?.. Что птица, что весь мир. Дело не в плате, а какая плата. И сколько ее.

Таргитай кивал, ему было еще непонятно, просто Мрак говорил очень убедительным голосом, чересчур убедительным, даже Олег согласился:

– А я как раз понимаю, что от монетки можно и отказаться, благородством покрасоваться, особо когда девки близко, но когда суют золотую гору... гм...

Таргитай посмотрел с отвращением и ужасом. Олег протестующе выставил руки:

– Не надо на меня смотреть как на Ящера. Еще в орало запряжешь... Но на мне где сядешь, там и слезешь. Я тебе такое напашу! Я рассуждаю, как человек того мира, который мы спасали. Я сам не хочу жить в таком, хочу лучший, но где его взять? Надо тащить за уши этот.

Мрак проговорил медленно:

– Олег, тебя чересчур сильно по голове треснули. Ты хоть понимаешь, что брякнул?.. Спасти мир – это раз плюнуть, если силенка да еще удача. А тащить за уши... всей жизни не хватит. Да что там жизни! Гора вырастет и рассыплется, а человек все еще будет сидеть в болоте. Ну разве что на волосок приподымется.

Таргитай сказал простодушно:

– Тогда нам придется жить долго!

Он тут же спохватился, прикусил язык. Мрак пожал плечами:

– Тебе – да. Ты теперь бог. А мы с Олегом простые и даже очень простые. Ну, пусть Олег уже не больно простой, но я вроде бы стал еще проще. Вроде бы некуда, а все равно проще.

Им в глаза не смотрел, остервенело выколачивал из толстой кости сладкий мозг. Перед Таргитаем лежала целая грудa, из одних сумел выковырять пальцем, другие не поддались, наблюдал за Мраком с завистью. Мрак, сытый и довольный, предложил великодушно:

– Хочешь, за хорошую песню и тебе мозги выколочу?

Глава 6

Хозяин наблюдал за ними издали: нечасто в корчму приходят с золотыми монетами. Когда гости уже и рыбу перестали пожирать с костями и хвостами, взмахом толстой длани послал к их столу отроков с кувшинами вина.

Мрак не чтит богов, потому пил из кувшина, не проливая на грудь ни единой капли. Зато за соседним столом явно поклонялись всем богам и бесам сразу: половину вина, медовухи и любого пойла, что им подавалось, проливали мимо рта на подбородок, на грудь. С мокрыми обвисшими усами и слипшимися бородами были похожи на утопших мышей. Мрак брезгливо отвернулся:

– Добро переводят!

– Зато все зрят, что богатые, – пояснил Олег. – Обычай такой.

– Обычай?

– Ну не все же мир спасали? А человеку чем-то похвалиться хочется.

Мрак наконец вычленил взглядом человека, который показался подходящим, взмахом руки пригласил за стол, налил вина, придвинул к нему остатки кабанчика:

– Вот та дорога ведет в лес... да ты ешь, ешь!.. И как далеко? За лесом есть города или веси?

Мужик торопливо запил из кружки, налил и снова выпил, лишь тогда поверил, что сразу не попрут взашей, ответил важно:

– За лесом уж ничего нету.

– А как же дорога? – спросил Мрак.

– А что дорога?

– Идет в лес. Не зря же.

– Так в лес, – сказал мужик резонно, – а не через лес... Хорошо здесь готовят, всегда свежее мясо!.. В лесу хворост бабы собирают, грибы, ягоды, травы, чагу сбивают. Деревья валим на хаты.

– А как же лешие?

Мужик довольно осклабился:

– Говорят, наш войт с ними в дружбе. За весь год только корову волки задрали да изредка лисы кур таскают. Ни одного человека не сгнуло, если не считать Кирьяна, что пьяный в болоте утоп. Говорят, исчезники завели, но Кирьян и сам такой, что грязь найдет... Так что дорога в лес!

Мрак покосился на Олега и Таргитая. Даже Таргитай понимает, что где-то за лесом есть села, веси, города, живут люди, но этим местным кажется, что за околицей уже конец мира. Нечего смеяться, сами давно ли...

– Я вон девку взял из веси, – рассуждал мужик важно, – что за рекой... Ну, скажу тебе, там жизнь!.. Врагу не пожелаешь. Когда бабы идут в лес за хворостом, мужики с топорами и луками охраняют. Да не от зверья, хотя и те не больно щадят, а от нечисти! Дня не проходит, чтобы кого не испугали, не поцарапали, а то и утащат... Когда одному надо срубить дерево, хату подправить, то пятеро охраняют, разложив костры вокруг. Не было случая, чтобы лешие или что другое не вылезло, не напало. Там каждый третий покалечен, нет ни одного взрослого мужика без отметины.

– Красиво живут, – согласился Мрак.

– А еще дальше была деревня, что вовсе захирела... Кто уцелел, тот бросил дом и подался в другие места. Слишком их невзлюбили хозяева леса.

Олег быстро зыркнул на хмурое лицо оборотня. Как бы хозяева леса не стали и хозяевами мира, читалось на его суровом лице. Тогда станут брать себе в жертвы не только в лесу, но и в селах. А потом и вовсе истребят людской род за ненужность.

Хозяин подошел, поклонился с натугой. Широкая спина затрещала: нечасто приходилось наклоняться где-то еще помимо печи. Пузо свисает через ремень, да и спина гнется с неохотой.

– В задней части есть хорошая комната, – сообщил он мрачно. – Чистая.

Мрак поинтересовался:

– А клопы есть?

– Нет, но если пожелаете...

Мрак сожалеюще развел руками:

– Нам редко когда удастся пробыть на постоялом дворе больше суток. А еще чаще, как вот сейчас, уходим еще раньше...

Он бросил на стол еще пару золотых. Хозяин принял с достоинством, это не за еду, за ту расплатились с лихвой, а за то, что и кабанчика, и рыбу, и мелкую птицу ждать не пришлось, не томили, все подали сразу.

Когда вышли на крыльцо, Таргитай все еще оглядывался, глаза были полны недоумения. Никто не кидался к ним со словами благодарности, что спасли мир.

Мальчишка выскочил навстречу:

– Уезжаете?

– Выводи коней, – распорядился Мрак. – Накормлены?

– И напоены, – ответил мальчонка, он во все глаза рассматривал огромного человека в звериной шкуре. – Но им отдохнуть бы...

– Тогда им надо было с другими связаться, – бросил Мрак.

Мальчишка застыл с раскрытым ртом, не понял, а Мрак смотрел через его голову на запахнутые ворота. С улицы въезжали четверо на заморенных конях, еще три коня с поклажей, но без телег. Двое молодых, но двое один другого старше, волосы белые как снег, бороды до пояса, а одежда покрыта дорожной пылью так, что не угадать ни цвет, ни даже покроя.

Молодые соскочили на землю. Мрак одобрительно наблюдал, как ухватили коней стариков под уздцы, помогли слезть, хотя сами едва держатся на ногах. Один из седобородых соскочил сам, даже не качнулся, только малость побагровел. Лицо в шрамах, по всем повадкам видно старого бойца, лицо суровое, язвительно наблюдал, как другому помогли слезть сразу оба молодца. Тот был в белой... наверное, белой одежде волхва, и Олег сразу оживился, но Мрак опередил, спустился с крыльца:

– Доброго здравия, странники!.. Вы остановились в нужном месте. Тут кормят, поят хорошо, а на той стороне есть чистая комната. Откуда путь держите?

Старый воин зыркнул подозрительно, но волхв сказал старческим скрипучим голосом:

– Издалека, издалека... Вон, видишь за лесом гору с раздвоенной вершиной?

– Зрю, – сказал Мрак. – Голо там... А чуть ниже растёт орешник. Только что-то еще дымится с левой стороны горы...

Старик посмотрел подозрительно и удивленно:

– Ты не колдун?

– Повезло, нет.

– Гм, а зришь так далеко... Да, это мы оставили. За нами было погнались эти... ну, которые скалами швыряют. Пришлось пустить огонь. За той горой наше племя редариев. А в глубине той горы народ рудокопов, что не выносят света. Это священная гора.

Он, как и Мрак, остановился, придирчиво наблюдая, чтобы распаренных коней сразу не повели к водопою, а сперва поводили по двору, охладили, расседлали.

– Чем же гора священна?

– Перед ней приносят клятву, – сказал волхв строго. – И боги бдят, чтобы клятвы соблюдались... А кто нарушит, того наказывают сразу и очень жестоко. Так, что потом целые народы содрогаются от ужаса.

Из конюшни вышел старый воин, которого Мрак для себя окрестил боярином, сказал довольноно:

– Ясли чистые, овес отборный, вода ключевая... Нечасто такое встретишь в захолустье. Что гора? На моей памяти, я тогда еще мал был, перед этой горой страшно и яростно поклялась прекрасная Брунька Белорукая, что не пойдет за жестокого и ненавистного ей Кремнеголового, который домогался ее руки.

Он зябко передернул плечами. Мрак спросил с интересом:

– Такая страшная была клятва?

– Нерушимее не бывает, – подтвердил боярин. – Она заявила, что не станет ему женой, даже если на всем белом свете он останется единственным мужчиной! Если она будет тонуть, не ухватится за его руку! Если он усыплет ее всеми алмазами мира, достанет со дна моря все жемчуга, все равно она не станет его женой!

– Ого, – сказал Мрак уважительно, – это, понимаю, клятва.

– Да... Конечно, тот наглый Кремнеголовый посмотрел на заходящее солнце, нагло засмеялся. Мол, девичьи страсти! Эта ночь еще не закончится, как ты станешь моей женой.

Он умолк, взмахом руки разрешил вести коней к колодцу. Солнце опускалось нехотя, но его давили тяжелые сизые тучи, похожие на проклятое железо.

– Наглый, – согласился Мрак. – В самом деле наглец.

– Прекрасная Брунька Белорукая ответила достойно, – сказал боярин с удовольствием. – Она сказала: хорошо. Но не раньше, чем лиса выкормит цыплят, река потечет вспять, эта гора уйдет под землю, наши поляне отступят перед древлянами, а солнце пойдет с запада на восток!

Олег и Таргитай уже вывели коней, слушали раскрыв рты. Мрак спросил заинтересованно:

– И что же?

Боярин пожал плечами: умному уже давно все понятно, а дураку хоть кол на голове теши, хоть орехи коли, хоть гвозди ровняй...

Мрак кивнул:

– Мне ясно. А вот этим двум...

Олег ошетинился:

– Говори о Таргитае. Ему больше непонятно. А что понятно тебе?

Мрак усмехнулся:

– Что солнце встает на востоке и заходит на западе, реки текут, как текли, гора на месте, лисица жрет цыплят всюю... Словом, девка пошла за него?

Боярин кивнул:

– Да, ночь еще не закончилась. До сей поры живут в любви и согласии. Пятеро сынов, три дочери, а внуков уж не сочтут... Наша княгиня из самых младших внучек.

Мрак хмыкнул, все понятно, так и думал, только Олег остался с раскрытым ртом и выпученными глазами. Он ощутил на себе сожалеющий взгляд Таргитая. На этот раз дударю тоже было яснее ясного.

Сумасшедший мир, подумал Олег с отвращением. Дураку ясен, умный мозги свихнет, а не познает. Найдется человек или бог, который наведет порядок?

Холодок ужаса пробежал внутри. Похоже, еще не нашелся. Но почему он все чаще чувствует макушкой, как будто кто-то упорно и требовательно смотрит сверху?

За распахнутыми воротами открылся необъятный мир, а постоянный двор остался за спиной и пропал, как будто его никогда и не было. Олег так задумался, что, когда сердитый конь

коварно притер его боком, прижал ногу к столбу, он даже не очнулся. А Мрак развернулся в седле, оглядывался с тревогой и недоумением. Таргитай уже с рукой на полпути к пазухе, где ерзала родная дудочка, страдальчески скривился:

– Опасность?

Мрак в затруднении двинул плечами, волчьи ноздри мощно раздувались и опадали, как кузнечные мехи.

– Да вроде не видать... Но беспокойно.

Посох в руке Олега повернулся, как встарь, когда можно было бить острием как копьем и тут же пускать молнии.

– А что чуешь?

– Ничего, – ответил Мрак с тревогой. – Но как-то не по себе. Полдня в корчме, жрали и пили в три горла, а наш бог в четыре, два жбана медовухи выхлебали, а так и не подрались... А народу было, было... Неспроста это, неспроста! То ли с корчмой что-то не так, то ли мы вырождаемся. Как Числобог и предостерегал!

Олег с облегчением вздохнул, а Таргитай сразу же полез за пазуху, теплая дудочка сама скользнула в ладонь. Ему вырождение, как и загнивание, явно нравилось.

– Хуже того, – бубнил за их спинами Мрак встревоженно, – умные речи вели! В кого превращаемся, люди?

– Превращаемся, – согласился Олег загадочно.

– В кого?

– Не знаю. Но превращаемся. А вот боги, упыри, лешие... и все-все – не превращаются.

Он двинул коня каблуками под бока, чтобы уйти от вопросов, свежий ветер ударил в лицо, растрепал волосы. Дорога понеслась навстречу, с каждым конским скоком приближая далекий темный лес.

Он смутно чувствовал, что сам сказал что-то умное, даже очень важное, но в лицо уже ударил встречный ветер, попытался содрать волчовку, яростно трепал волосы, и мысль ушла, растворилась, оставив слабое ощущение, что на миг оказался возле великой разгадки, но так и не сумел ее ухватить.

Глава 7

Ветер освежал разгоряченные лица, свистел в ушах, даже Мрак не сразу расслышал за спиной жалобные стенания:

– Вам что... Один может обернуться волком, другой... птицей, а я? Вы ж только ради меня, бедного, терпите людскую личину, только не признайтесь, чтобы я спасибо не сказал!

Мрак хмыкнул, поморщился, мол, если Таргитай начнет спасибить, то и лоб побьет, но Олег, всегда доискивающийся, что, зачем и почему, а потом еще и объясняющий это другим, придержал коня, чтобы тот шел рядом с Таргитаевым, сказал обстоятельно:

– Да не ради тебя, не зазнавайся. Просто мы вышли в мир, где люди не умеют ни в волков, ни в птах. А природа людская такова: чего не умеют сами, того боятся в других. А когда боятся, то дерутся. Вусмерть! Но не драться же со всем миром? А если выбирать волчью шкуру, то Мраку пришлось бы жить с теми, кто примет в волчьей... Да и мне в птичьей стае как-то не совсем. Так что нам придется быть как все люди...

– Быть?

– Выглядеть, – поправился Олег, его передернуло от отвращения, едва представил себя просто мужиком, не желающим видеть дальше своего огорода. – Таиться. А оборачиваться только в лесу или там, где никто не подсмотрит. Вон ты ж не кричишь, что ты бог?

– Я что, – протянул Таргитай, – я скромный... А вы, значит, просто хвосты поджали?

Мрак зарычал, а Олег кивнул:

– Да. Боимся. Очень. Драться со всем человечеством?.. Всех дурней не перебеешь. Но даже если бы перебили, то как жить в пустыне?.. Это тебе со своими песнями можно, ты и жаbam петь можешь, а нам без людей грустно. Даже без таких, какие они есть.

– Да? А тогда хоть знаем, куда едем? И что делать будем?

На этот раз Олег смолчал, Мрак после паузы буркнул:

– Столько же знаем, сколько и ты.

Таргитай возопил:

– А я не знаю! Когда из леса вышли – все было ясно, как орех без скорлупки. Когда каган нас обидел, то мы кагана... к ногтю. Потом оказалось, что не каган, а маги все портят... Ладно, погоняли магов. А теперь?

Олег сказал с тоской:

– Если кому дать по голове, то здесь мы лихие ребята. Если кому отбить уши, опять же первые... Но теперь силой не взять, супротив Рода нет силы. Да, прем в лес, чтобы встретить то ли упырей, то ли мавок, то ли берегинь... Словом, кому Род может отдать Перо Власти. А что дальше? К кому пойдем? К лешим, мавкам, упырям? За двумя зайцами погонишься, не вытащишь и рыбку из пруда!

– За двумя зайцами погонишься, – поправил Мрак строго, – получишь от лесовика по морде. Мы ж решили! На месте увидим.

Таргитай приотстал, в ладонь успокаивающе заползла дудочка, юркая, как ящерица, устроилась удобно, дырочки под кончиками пальцев, осталось только поднести к губам, а Олег песен почему-то не выносит, даже Мрак любит только в конце, когда сложаются. Но пока слова притираются одно к другому, царапаются, шуршат, он морщится и гонит прочь, как будто песня берется из ничего, раскрыл рот и запел готовенькое!

Подудел, мелодия оказалась хуже, чем представлял, сунул дудку за пазуху, пустил коня вскачь. Мрак оглянулся, глаза тревожные, брови сдвинулись на переносице.

Таргитай пожаловался:

– Не пойму!.. У нас всего шестнадцать дней, а мы на этих хвостатых тащимся. Еще вчера на Змеех носились, на Рухе, еще на чем-то гадком, а сейчас как будто и не люди!

– А ты знаешь, куда ехать? – спросил Мрак.

Таргитай растерялся:

– Н-нет... но я и раньше не знал!

Мрак кивнул, но не посоветовал сопеть себе в две дырочки, а если на дуде, то во все восемь, крикнул молчаливому Олегу:

– Олег, лес велик!.. Тарх прав, как ты терпишь? Можешь летать в поднебесье, а все ножками, ножками, как медведь. Да и то, медведь на четырех носится быстрее коня, а ты ж на двух... Потешь ребенка, полетай.

Олег хмуро помалкивал, Мрак, как всегда, язвит и задирается, но тут Таргитай снова приспособился, завопил жалобно:

– А сверху узришь так много, так много!.. Где птичьи яйца лежат, где жирные гуси спят, где молодой кабанчик пасется...

Мрак сказал очень серьезно:

– Вот видишь? Важными делами можешь заниматься, а ты все думаешь, думаешь, будто от думанья голова, как у коня, вырастет большая и умная! Какой-то ты волхв странный. Вроде бы и не волхв вовсе. Тем только в жертву гусей, уток, коз, медвежатину... Или они берут только на дурика, а сами ни-ни?

Олег наконец пробурчал с досадой:

– Я не понимаю, как может завидовать бог. И я вообще не понимаю теперь, что такое бог, зачем они, откуда берутся. Нет, откуда берутся, теперь понятно, но зачем?

Мрак сказал насмешливо:

– А мы сами зачем?

– Ну, предположения есть...

– Да ладно тебе, волхв. Предположить можно все, что угодно. Мы есть – и все тут.

– Мы есть, – возразил Олег, – потому что Род нуждается в помощи! А затем и в преемниках. Это мне больше нравится. А что в Долину Битвы нас вовсе не позвал, это потому, что люди что-то сделали не так, чем-то разочаровали... Как разочаровали древние народы мурьевцев, пчел, на которых он, по слухам, когда-то надеялся. И если Таргитай не переврал слова Рода, а то пока по Дереву от него слезал, мог не только портки порвать, но и...

– Ну, в голове у него всегда была дырка, – заметил Мрак хладнокровно, – не простая, а со свистом! Но мы его все равно любим.

– Любим, – согласился Олег нехотя. – Но за что? И почему он стал богом? Неужели только за свои песни? По мне, они как вой голодной собаки.

Темные глаза Мрака насмешливо поблескивали из-под нависших бровей. Конь шел ровно, красиво, не сбивал дыхания даже в прыжках через валежины, гордо потряхивал гривой.

– Ты не увливай, – посоветовал Мрак. – Ну сменишь портки пару раз. Мы на этот случай возле ручья остановимся.

– И зайца убьешь, – сказал Таргитай простодушно, – как в прошлый раз шарахнул!.. Жирный был, толстый, до сих пор помню.

Он звучно облизнулся, а Олег потемнел, вспоминая о позоре, но певец смотрел такими чистыми невинными глазами, что Олег только скрипнул зубами, отвернулся.

Добрый Таргитай посоветовал:

– Олег, ты крылья растопырь, они у тебя как паруса, и давай вр-р-р-р к тому дереву! Ветер будет в спину, так легче.

Мрак сказал многозначительно:

– Олег... Свободу и силу взлета не попутный, а встречный дает.

Олег молча кивнул, подумав, что слова Мрака годятся и на другие случаи жизни.

Мрак, проезжая мимо одиноко стоящей березы, покачал головой, внезапно без размаха ударил секирой. Послышался глухой стон. Из раны брызнул красный сок. Таргитай вытаращил глаза, протер, снова вылутился, но по белому стволу медленно потекла струйка алой крови!

– Все ж ясно, – сказал Мрак брезгливо. – Одиноко стоящая береза да чтоб не подманила всю нечисть? А кто под ней похоронен, знаешь? Нет? А чего ж вместо сока течет кровь? То-то.

Он вытер лезвие, секира снова уютно устроилась в ременной петле. Конь шел, не замедляя шага, Мрак тоже не оборачивался, только Таргитай остановился, ошалело глядя то в его широкую спину, то на березу... Наконец пропищал:

– Так, может, срубить ее к такой матери?

Мрак отмахнулся:

– А зачем? Нам под ней не спать. А если кого задурит, так каждый мужчина сам за себя отвечает... А бабы по чисту полю не шляют, как перекасти-поле.

Таргитай поколебался, посмотрел на зеленую верхушку, на тонкие, как девичьи руки, ветви, вздохнул, голос стал жалостливым:

– Такая красивая... Нет, пусть растет.

Олег оглянулся уже издали, стегнул по березе недобрым взором:

– Вот так по лени да жалости и плодится зло на земле, а та все терпит. А потом, опомниться не успеешь, уже два дурня подговаривают третьего Яйцо разбить... Нет, надо что-то придумать!

– Поставить лютого царя, – предложил Мрак. – Чуть кто вякнет – голову долой.

– Было. Помнишь киммеров?

– Тогда поставить во главе всех земель могучего мага, – предложил Таргитай и облизнулся. – Чтобы всем все дал, никого не обижал, бедных жалел, нищих кормил...

– Забыл Гольша? – подсказал Олег сухо.

Он хмурился, лицо стало озабоченным, зеленые глаза потемнели, как трава перед грозой. Мрак внезапно рассмеялся, показав белоснежные клыки и ровные острые зубы:

– Так мы уже нашли силу над силой! Нашли такое, что сильнее мечей и даже... Олег, только не обижайся, но даже сильнее магии. Тарх, сыграй.

Таргитай с готовностью вытаращил дудочку. Олег поморщился, отнял и сунул ему снова за пазуху:

– Он только доказал, что сердце сильнее... пока что, чем мозги. Нас великий Род выпустил в свет недоделанными, даже недодуманными. Сердца пока что в самом деле сильнее, чем мозги. Не у всех, конечно, а у тупой толпы. Правда, любой народ – это тупая толпа, включая царей. Мудрецы, конечно же, зову сердца не поддаются. У нас есть мозги!.. И не такие, как у дятла, такие даже у Таргитая есть, а... ну, в общем, мозги.

Таргитай преданно посматривал на Мрака и Олега: один вытянулся в седле, поводит хищным носом, второй двигает бровями, словно пытается мысленно узреть леших, упырей или людей из того племени, что тянется к Перу.

Олег помалкивал, а Таргитай не спрашивал, что будут говорить и делать. В голове складывалась новая песня, яркая и трепетная, а это самое важное, только нельзя это говорить даже Мраку, который любит его песни, хотя признается с неохотой, а уж Олегу нельзя даже намекнуть: взъярится, вообще песни не терпит...

Конь ступал мерно, слова покачивались и лепились одно к другому вроде бы вкривь и вкось, но получалось необычно и здорово, мелодия звучала в голове сперва едва слышно, урывками, потом громче, обрастала руладами. Конечно же, про любовь, ибо хорошая песня может быть только про любовь или коней, но, как сказал как-то Мрак, песня про любовь ссадила кочевников с коней и заставила пахать землю, что раньше они презирали, а песни про коней раскрывают души как раз людям...

Тени постепенно сгущались, а яркие солнечные лучи, что в самом начале пути пронизывали листву до самой земли, теперь поднимались по стволам вверх.

Мрак нетерпеливо вытягивался, нюхал воздух. Лес оставался чистым, толстые стволы мощно подсушивали почву и глушили не только кустарник, но даже траву. Кони ступали уверенно, только изредка шарахались от выскакивающих из папоротника зайцев.

Олег посматривал на ногу Мрака. Повязка над коленом уже потеряла цвет, скомкалась. Оборотень сжимает коня коленями легко, не похоже, что нога болит. Кивнул ему на повязку:

– Я так и не понял тогда...

– Да все забываю снять, – отмахнулся Мрак. – Узел тугой, какой дурак завязывал! Когда на голове была, еще щемило малость, а как сползла сюда, уже и забыл, а развязать некогда.

Олег смотрел долго, внимательно. Мрак чувствовал его ощупывающий взгляд то на голове, то на плечах, то уже на колене. Наконец волхв сказал напряженно:

– Это что-то совсем непонятно. Такое же, как вот Таргитая в боги... Сколько ни думаю, все как-то не получается...

– Что?

– Ну, это... повязка.

Мрак сказал с досадой:

– Да что ты со своей повязкой? Я ж говорю, сползла!

Олег покачал головой, глаза встревоженные:

– Мрак, здесь замешано злое колдовство. Иначе быть не может. Посуди сам. Вот твоя повязка. На голове. Допустим, разболталась так, что ослабела и поползла вниз... Я тебе это уже говорил, знаю, но хочу разобраться. Так вот, тогда бы закрыла тебе глаза хоть на время, а ты этого не потерпишь. Потом должна как-то пройти через твои плечи, а они, надо признать, раздвинулись так, что Лиска не обхватит... а то и Кора. Нет, Кора, пожалуй, обхватит. Но даже если предположить и такое, что просто дико... нет, не то, что Кора станет обхватывать, кто ее знает... я все о том же, о повязке... то твои руки на долгое время оказались бы скованными...

Мрак фыркнул:

– Но она все-таки сползла? Сам видишь!

– Но как? – спросил Олег, морща лоб. – Вот в чем вопрос...

Мрак отмахнулся:

– Разве во всем надо искать причину?

– Во всем, – ответил Олег убежденно. – И все можно понять и объяснить.

Мрак буркнул:

– Зачем? Что-то надо принимать так, как есть.

Деревья стали словно бы еще толще, но по-прежнему над головой проглядывало небо, а земля теплая, сухая. Расстояние между деревьями увеличилось, можно было ехать втроем в ряд. Наконец гигантские стволы расступились вовсе, открыли обширную поляну, где можно разместить деревушку неврах. В середине поляны возвышалось гигантское толстое дерево. Таргитай ахнул и запрокинул голову. Немыслимо толстый ствол уходил бесконечно вверх, а там, в синеве, раскинул зеленые ветви, которые и накрывали поляну, не давая поселиться другим. А как Таргитай знал с детства, размах кроны дерева и корней обычно идут ноздря в ноздрю, так что по всей поляне хозяйничают гигантские корни этого исполина, выпивая воду, соки и отбирая все съестное у всякого, кто попытается укорениться.

– Здесь и заночуем, – решил Мрак. Он выехал на поляну, буркнул с удовлетворением: – И ручеек неплох.

Из-под корней выбивался ключик, серебристый бурунчик подпрыгивал как живой, бежал веселой змейкой, но с высоты седла было видно, как постепенно мельчает, а уже за сотню-другую шагов полностью уходит в землю, разобранный по дороге корешками.

Вдали виднелся забор из деревьев, настолько плотный, что поляна казалась окруженной частоколом. Деревья стояли на почтительном расстоянии, словно это гигантское дерево очертило незримый круг, за черту которого переступить запретило. Внутри круга зеленела трава, впрочем, мелкая.

Таргитай, стараясь быть полезным, суетливо расседывал коней, вытер им потные бока пучками травы, бегом отвел подальше от дерева. Мрак прибьет, если коня поить рядом.

А Мрак, уперев руки в бока, уже стоял перед могучим дубом. На высоте в полтора человеческих роста тускло блистал круглый щит. Массивный, медь потемнела, взялась зеленою, но полосы отливают металлом, что не поддастся времени. В середине щита уцелела странная звезда с крестом внутри, а рядом со щитом, окруженная кольцами наплывов, из коричневого ствола торчала рукоять меча. Меч был погружен почти по рукоять, оставалась полоска булата не шире ладони, плоть дерева наступала, поглощая металл, вбирала его в себя.

Таргитай хлопотал по поляне, собирал хворост, огонь – священен, так что разжигать костер отныне доверено только ему, а Олег подошел к Мраку, указал на едва приметную выпуклость на земле:

– Если бы не ветви, дождем бы давно смыло.

– Да, – сказал Мрак задумчиво, – не волхв здесь похоронен, не волхв. И не простой разбойник...

– Уже не узнаем, – сказал Олег трезво. – Века прошли.

Таргитай стоял на четвереньках, страшно шипел, свирепо раздувая щеки. Крохотные искорки гасли, не желали цепляться за крупные куски, пусть и сухие, Таргитай снова колотил кремнем по огниву, пока Мрак не буркнул раздраженно:

– Олег, да хватит таиться! Мы сами должны кричать о себе, чтобы на нас кто-то наткнулся. Пусть даже враг. У нас нет времени искать ни леших, ни мавок... черт, куда все подевались? То как грибов в лесу, а сейчас одни жуки да муравьи...

Олег вздохнул:

– Я могу попытаться. Но если вдруг лес вырвет с корнем... или снова дождь из жаб...

Мрак поколебался, махнул рукой:

– Давай! Все осточертело. Бьемся, бьемся...

– Смотри, – предупредил Олег еще раз. – Потом не жалуйся.

Мрак на всякий случай ухватился за землю, напрягся. Олег негромко произнес заклинание. Выждал, ничего не случилось. Повторил чуть громче. После паузы произнес другое, подлиннее.

– Не получается? – посочувствовал Мрак.

– Хуже, – прошептал Олег. Он побледнел, на лбу выступили капельки пота.

– Что – хуже?

– У меня всегда получается... Только знать бы, где и что! Может, снова дождь из жаб... где-нибудь в тридесятom царстве. Может быть, земля треснула где-то...

Таргитай услышал, сказал жалобно:

– Ладно, не надо! Уж лучше я еще помучаюсь.

– Колдуй, – велел Мрак свирепо. – Ты мужчина аль нет? Это не жизнь, если каждый шаг рассчитывать.

Таргитай вякнул:

– Но последствия...

– Ишь, слова-то какие запомнил!.. Ты дуй, дуй. А ты не бойся сделать шаг. Нельзя про-считать все последствия, понял?

Олег с вытянувшимся лицом шептал, взмахивал, кивал, Таргитай колотил по огниву и, как сытый хомяк, раздувал щеки, уже и Мрак, похоже, сжалился, ладно, сейчас покажет богу, как надо, но вдруг от места будущего костра раздался дикий крик. Там полыхнуло, Таргитай

упал на спину и нелепо дрыгал сапогами. На месте жалкой кучки хвороста поднялся ревущий столб пламени, словно разом занялась целая поленица березовых чурок.

На лице Олега был страх пополам с облегчением.

– Все же получилось.

– Молодец, – сказал Мрак одобрительно.

– Да, но...

– Что опять?

– Меня как-то странно потрянуло.

– Ах, какая беда, – сказал Мрак саркастически. – А в боку не колет? Не подташнивает?

Особенно по утрам?

Олег прислушался, сказал настороженно:

– Да вроде бы нет... А что?

– Да была в нашей деревне бабка Боромириха... Ах, еще помнишь? Так у нее вечно тут кололо, там дергалось, в боку подкатывало... У тебя не подкатывает?

Зеленые глаза волхва блеснули подозрением.

– Это у тебя то, что называешь шутками?.. Тогда заранее говори, когда смеяться. Или не обращать внимания. Эх, Мрак... Только о себе!

– А о вас – нет?

– Мрак... Мы с Тархом – это тоже часть тебя, твоего мирка. Та часть, что осталась от родного племени, которое мы в дремучем невежестве... подумать только, каком дремучем!.. именовали Народом. Ты и мир спасал, чтобы уцелеть самому и спасти нас двоих!.. Ну конечно, и остальной мир, чтобы нам было где разгуляться. А я вот смотрю на весь мир другими глазами. Там могут быть и умнее нас! Там наверняка есть умнее нас. Роду сверху видно все, ты так и знай! Потому людей и не пригласил вовсе на раздачу пряников. Мы самые младшие, нам пока ничего не полагается.

Мрак слушал со снисходительным любопытством. А Таргитай, вернувшись с новой охапкой хвороста, сказал светлым мечтательным тоном:

– Старшие братья младших обижают, обижают, обижают... но потом пряники, принцессы и царства достаются младшему брату!

Он сказал так убежденно, верил, что Мрак в воспитательных целях тут же взмахом длани отправил бога снова за хворостом. Жизнь – не его сладкие песни, не мечтания ленивого, ее не слагают, лежа на печи, не лепят, как волхвы свои горшки, а куют в огне и крови.

– Ладно, – сказал он с отвращением. – Вроде бы ни топора, чтобы роняли друг другу на ноги, ни ножа, порезаться... Правда, в костер можете попадать... Ладно, авось сумеете выско- чить в нужную сторону.

– А какая нужная? – спросил Таргитай простодушно. Увидел лицо Мрака, поспешил повернуться к волхву, тот любит говорить о своем высоком. – Олег, а к чему, если правая ладонь чешется?

– К деньгам, – буркнул Олег.

– А если левая?

– Битым будешь.

– Ух ты! А если чешется спина?

– Под дождь попадешь.

– Здорово. А если чешется нога...

Олег ответить не успел, Мрак рявкнул:

– Помылся бы, и все дела!

Таргитай виновато съежился:

– Да сколько можно? Три недели тому под дождем мылся.

Мрак оскалил зубы, на глазах превратился в волка, даже не пришлось грядаться оземь, дико посмотрел на горло Таргитая, облизнулся сладострастно, потом с великим усилием отвел взор, отряхнулся, словно выбивал остатки человеческого духа. Пасть была широка, там словно полыхал огонь, а обрамляли багровый страх белые ножи зубов.

Изгой с холодком по коже наблюдали, как могучий зверь одним прыжком перемахнул костер, не все лесные звери страшатся огня, на той стороне поляны словно бы что-то шелестнуло, но все, что услышали, это медленно падающий листок с вершины дерева, что цеплялся за ветки, стараясь задержаться, медленно сползал по шершавой коре дерева, стучался черенком, шелестел по-осеннему влажно и оранжево.

Глава 8

Куча хвороста велика, не куча – гора, до утра хватит, и Таргитай, поколебавшись, вытащил дудочку. Олег поморщился, но лишь стиснул челюсти. Когда дударь занят своей палкой с дырками, тогда не ноет, что мрет с холоду, что слабый, что есть надо каждый день, не пробует подольститься, заводя разговоры о Высоком.

Олег сходил к коням, те мирно объедали кусты поблизости, проверил путы, вернулся, но перед глазами маячил только Таргитай, при одном взгляде на которого чувствовал, как в груди вздымается черная злость, даже ненависть к этому лодырю, этому тупому, как валенок, человечешке, что как-то сумел... нет, которому выпала странная и дикая удача... и который не знает, как распорядиться, не умеет и никогда не сумеет!

Таргитай хлопотал у костра, без нужды совал прутик, раздвигая горящие угли, выкладывая их ровным полем, чтобы давали сухой устойчивый жар. Обычно он засыпал над костром, но сейчас суетился, искательно заглядывал сердитому Олегу в глаза, заискивал, чувствуя недожество друга, который старше всего на три весны, но гоняет его почище родителей.

Олег поморщился, чувствовал боязнь и неуверенность дудочника, в груди слегка кольнуло чувство вины, Тарх не понимает, за что его так, но превозмочь себя не мог, буркнул:

– Будем спать.

Таргитай сглотнул голодную слюну:

– Ты спи, спи! Я подожду Мрака.

– Под твою дудку заснешь!

– Тогда думай о Высоком, – предложил добрый Таргитай.

– Шутишь? – изумился Олег. – Под этот голодный сип пополам с собачьим воем я начинаю грезить, с каким бы удовольствием задавил тебя...

Таргитай поежился:

– Олег... ты ж добрый! Ты даже жука не убьешь без надобности.

– Но ты ж не жук?

Таргитай задремал первым, хоть и на голодный желудок. Поспать он любил не меньше, чем поесть, а Олег сидел у костра, обхватив колени, всматривался в пляшущее пламя. Конечно, у костра надо сидеть спиной к огню, так видишь тьму, глаза не слепит, готов при первой же подозрительной угрозе откатиться в сторону, уползти, затаиться. Спать положено вообще в сторонке, чтобы свет не падал на спящего, но рядом с могучим Мраком уже привыкли, что его волчье чутье предупредит, а сам Мрак все сможет, сделает, защитит, а если не сумеет все сам, то скажет им, что делать и как.

Пламя сильно колыхнулось, Олег не сразу понял, что это он сам вздохнул так горестно. Мрак по-прежнему превосходит их в силе и мужестве, защищает и оберегает. Настоящий воин и охотник, он им старший брат и отец, и страшно подумать, что мир все-таки больше и сложнее, чем показалось вначале, что не все в нем можно понять и решить воину и охотнику.

В багровых языках возникла огненная рука, не то погрозила, не то указала длинным когтистым пальцем. Олег вздрогнул, всмотрелся, но там уже возникали и пропадали другие образы, странные и причудливые. Может быть, и огненный перст привиделся, колдуны и певцы всегда зрят больше, чем другие люди, чаще всего на свою голову. Мрак, конечно же, не видит. Или ему не указывают?

Он ощутил тревожную дрожь во всем теле. Пахнуло холодом, словно его душа обнаженной стояла на краю бездны. Ощущение, что он для чего-то избран, рожден для чего-то великого и страшного, нахлынуло с такой силой, что тихонько взвыл от страха и одиночества.

– Мрак, – прошептал он, – не оставляй нас. Я хочу быть с тобой всегда.

Несмотря ни на что, мелькнула тревожная мысль. Несмотря даже на то, что придется убеждать Мрака... может быть, придется!.. не спорить с решением Рода отдать Перо Власти не людям, все еще злым и диким, пусть Перо перейдет от Рода к мудрым подземным рудокопам, все понимающим берегиням или даже страшным упырям, которыми старухи пугают непослушных внуков, о жизни которых все еще ничего не знаем!

Мрак появился так, как всегда являлся, когда был в личине волка: только что рядом с Олегом было пустое место, трава и сухие чешуйки коры от хворостинки, в следующее мгновение огромный волк бросил на землю годовалого подсвинка, кровь еще капает из глубоких ран на горле, словно поймал прямо возле костра.

Волк ударился оземь, поднялся, морщась, могучим и страшноватым человеком, все тело будто вырезано из дуба, темно-багровое под бликами костра, мышцы вздуты, как сытые змеи, весь переплетен ими, и хоть уже человек, но в каждом движении волк, даже когда оделся и начал деловито резать кабанчика ножом, это все еще был волк в личине человека.

Таргитай во сне потянул носом, сморщился, повернулся, не просыпаясь. Нос его дергался и вытягивался, как у голодного пса. Мрак кивнул в темноту, Олег понял, не первый раз, взял горящую ветку, походил между дубами и в самом деле отыскал несколько камней. Принес самые плоские, а Мрак уже насаживал на очищенные от коры пруты ломти мяса.

На камни, вытерев их и заодно натерев пучками горькой травы, положили тонкие широкие ломти. Мясо начало жариться неспешно, прожариваясь внутри и по всей длине.

Таргитай тихонько взвыл, не просыпаясь, губы звучно плямкали, а пальцы что-то гребли к себе.

– Неужто не проснется? – удивился Мрак.

– Любит жрать, – подтвердил Олег, – но любит и спать... Что переборет?..

– Он пытается жрать, не просыпаясь!

Таргитай снова взвыл, поплямкал, пальцы безуспешно тащили к себе вкусные запахи, наконец глаза медленно распахнулись, еще затуманенные сладостными видениями.

– Поздравляю с победой, – сказал Мрак.

– С... какой?

– Над собой, – пояснил Мрак. – Волхвы говорят, что самое трудное – победить себя.

– А-а-а-а, – понял Таргитай, – то-то я такой устатый!.. Видать, я сильный. Ну, тот, с которым я боролся. Надо поесть как следует да лечь спать, чтобы сил набраться. Для ужина.

Сам Мрак ел вяло, нехотя. Олег вспомнил окровавленную пасть волка, по спине пробежал недобрый холодок. Мрак в волчьей личине мог сожрать в одиночку подсвинка и покрупнее. Не диво, что больше в плотку не лезет.

Он ощутил на себе пристальный взгляд. Мрак буркнул с дружелюбным предостережением:

– Олег...

– Ну что?

– Ты в самом деле так уж хочешь все знать?

– Хочу, – ответил тот упрямо.

Мрак зевнул широко и сладко, с волчьим подвыванием:

– Все... у-у-у-у... знать невозможно. Как-то одна вот тоже хотела узнать...

Он сделал паузу, Олег смолчал, чуял каверзу, а простодушный Таргитай тут же попался на крючок:

– Кто? Олег?

– Нет, не Олег, но тепло, тепло... Одну сороконожку спросили: как ты, мол, так быстро бегаешь? У тебя сорок ног, но с какой ноги начинаешь, а какую ставишь следом?..

Таргитай с открытым ртом ждал продолжения, а Олег спросил угрюмо:

– И какую же?

– Вот так и сороконожка задумалась, – ответил Мрак хладнокровно. – Раньше просто бегала, а теперь все старалась понять, как же бегают, какую лапу ставит за двадцать первой правой – тридцать вторую левую или одиннадцатую правую? Так и подохла, не могла с места сдвинуться.

Он скovyрнул с веточки высохший труп сороконожки Олегу на грудь. Тот дернулся, словно это он сам погиб от мучительных размышлений. Добрый Таргитай сказал жалостливо:

– Бедная...

– Да уж, – буркнул Мрак. Он лег, зевнул. – Хорошо жуку, не ломает голову, как он с таким пузом и такой задницей летает...

Таргитай так и заснул с полуобглоданной костью в руке, сытый, как паук на толстой мухе. Мрак перед сном еще повытряхивал из костей сладкую мякоть мозга. Олег видел в глазах оборотня сожаление, мол, волком бы разгрыз врага, а человек совсем ничемная тварь с расшатанными зубами...

Наконец и Мрак уронил голову, заснул сразу глубоко и крепко.

Перед глазами Олега плясали огненные знаки. Сердце стучало пугливо, чувствуя беды, которых можно избежать, если не высовываться, если всегда за спиной Мрака.

В темной ночи важно гудели тяжелые, как топоры, жуки. А в самом деле, бабочки и стрекозы – понятно, но жуки? Крылышки чересчур тоненькие, как кисея, а то, что дураки считают крыльями, на самом деле не крылья, а только прочные доспехи, что защищают настоящие крылья. Эти доспехи жук приподнимает, вытягивает тончайшие крылышки... В самом деле, как же летит, такой толстый?

Он вздрогнул, в темноте послышался странный звук. Хрустнул сучок, затем еще ближе зашелестела трава, листья под ногами... или копытами.

Замерев, он видел, как из тьмы выдвинулось из-за деревьев белое, полупрозрачное, проплыло по краю поляны к дубу. Старалось держаться тьмы, это не удавалось – костер пылал мощно, хотя заготовленный хворост лежал нетронутый рядом, и трепещущий красный свет охватывал всю поляну. Белая фигура проплыла почти бесшумно к могильному холмику, однако Олег со страхом и облегчением увидел, что травинки все-таки гнутся, так что через поляну движется не призрак... но гнутся чуть-чуть, так что в опасной близости не человек...

В красно-оранжевом свете он разглядел женщину, небрежно закутанную в нечто роскошное. Вся серебряная, она опустилась у могилы на колени. Олег услышал горестный вздох, бледное женское лицо искривилось в плаче, по щекам побежали две прозрачные слезинки. В пламени костра, с которым смешивался свет звезд, они показались жемчужинками.

Женщина упала на могилу, ее тонкие руки обхватили земляной холмик. Олег застыл, не зная, что сказать и что делать, а женское тело уже сотрясилось от беззвучных рыданий, потом донесся слабый стон. Олег сперва решил, что почудилось, но женщина плакала все громче, а ее полупрозрачные ладони приподняли землю с боков, прижали, и холмик стал выше.

Олег с ужасом подумал, что этой могиле на самом деле намного больше лет, чем он думал. И что женщина... не совсем простая женщина.

Впрочем, сказал он себе горько, мы сами уже непростые. И противники у нас отныне совсем не пьяные мужики в корчме. Беда в том, что слишком быстро обрели мощь, границ которой не знаем. И кое-кто и не желает знать...

Он бросил косой взгляд на спящего Таргитая. Лицо молодого бога стало совсем детским, он плямкал губами, сопел и шмыгал носом, колени подтягивал к груди, хотя стена огня была в двух шагах. Шелудивому свиненку, как говорит Мрак, и на боромирку зябко.

Рыдания стали громче. Он пытался отводить взор, трудно видеть, как плачет женщина, но в лесу стояла мертвая тишина, а плач перешел в крик, жалобы. Олег в отчаянии вслушивался, но слова незнакомы, скорее всего, на таком языке уже никто не говорит, понятно только ее отчаяние, ее боль и страдания...

Таргитай засопел громче и подрыгал ногой. Похоже, он слышал тоже, даже видел сны, но проснуться не мог, особенно после такого сытного ужина.

Так проходит слава мира, мелькнула горькая мысль. Он пробовал отводить взор, но тот постоянно отыскивал женщину на могиле погибшего героя. Кто знает, какие великие дела свершил? Какие царства создал или разорил? Сколько нагабил, сколько сокрушил, сколько народу увел в полон?

Чуткие уши Мрака чуть дрогнули. Олег ждал, что оборотень проснется, волчье чутье настороже, но Мрак спал крепче Таргитая.

Мрак открыл глаза, Олег не успел увидеть движение, как оборотень уже на ногах, быстрый как зверь, бодрый и сильный. Костер горит всюю, все тот же жаркий столб огня, сбоку чернеет нетронутая гора хвороста. Таргитай еще сопел и что-то жевал во сне. Олег оглянулся на могильный холмик, плечи его поднялись и опустились, из груди вырвался долгий вздох.

– Молодец, – одобрил Мрак. – Научился просыпаться раньше других! Из тебя еще может получиться охотник. Конечно, не лучший, но все же не колдун или какой-то там волхв!

– Хорошо бы, – согласился Олег неожиданно. – Ой, как бы хорошо!

– Что-то у тебя морда больно помята, – заметил Мрак. – От умных мыслей? Вот видишь, как до всего докапываться!.. Эй, бог!.. Вставай, спун несчастный!.. Вставай, уже суп готов!

Таргитай вздрогнул, сел с закрытыми глазами. Его руки пошарили по земле в поисках ложки. Мрак злорадно скалил зубы. Но когда Таргитай открыл глаза и, не обнаружив супа, скривил губы в горькой обиде, оборотень сжалился:

– Вставай... Вон в траве малость мяса. Но жрякать будешь на ходу.

Олег поинтересовался:

– А ты уже знаешь, куда идти?

– Нет, – сказал Мрак, – но я знаю охотничье правило: чем дальше в лес, тем толще... звери.

– А зачем нам звери?

Мрак не ответил, трудно объяснить, что повязка все-таки сползла, молча встал, зная, что изгой встают тоже, затягивают пояса, готовые к долгому бегу, когда на ходу придется прыгать через валежины, выворотни, проскакивать под нависшими сушинами, пробежать по упавшим через ручьи и овраги стволам.

– Надо идти, – ответил он, – надо идти. Под лежащий камень вода не течет.

– А кого ищем?

– Да кто первым набежит, – объяснил он хладнокровно. – Лешие ли, упыри... Нам все равно надо с ними столкнуться. На узком ли мостике, лесной ли тропке... Олегу – чтобы узнать, насколько они умнее, Тарху – пропеть упырям о ярком солнышке, а лешим – о жарком костре, а мне... гм... ну, об этом лучше потом, когда встретим. Много их, но меж собой, гляди, не бьются, хоть и не ладят. А людей всяк готов со свету согнать. Одно слово – нечистая сила!

Олег сказал невесело:

– С нечистой силой, Мрак, все не так просто. Во-первых, если наши деды дрались только с одной нечистью: упырями, лешими, водяными, мавками, вихриками, навьями... то теперь добавилась еще и нечисть, так сказать, перерожденная. Ну, кто раньше был человеком, а потом стал... ну, еще и нечеловеком. Ведьмы, ведьмаки, двоедушники, оборотни...

Мрак предостерегающе рыкнул:

– Что-то ты больно мудрый стал. Убивать пора.

– Мрак, – сказал Олег торопливо, – это ж не я сказал, а так теперь случается, что и сами люди становятся оборотнями! Правда... словом, так принято считать, хотя само деление на чистых и нечистых придумано людьми, а раньше кто знал, чист он по людскому мнению или нет?... Сегодня нечистые одни, завтра – другие. Но сегодня в нечистые попадают еще и

проклятые родителями, вступившие в союз с самой нечистой силой и продавшие ей души... Ладно, перечислять долго. Скажу только, что эти, которые люди, куда опаснее тех, которые нелюди.

Наступила нехорошая тишина. Таргитай сказал несчастно:

– Но нам с ними же не драться?.. Надо только с теми договориться, которые не люди?

Мрак грозно указал на полыхающий костер:

– Ты зубы не заговаривай! Костер загаси. Негоже оставлять в лесу.

– Мрак! А как загасить?

– Не так, как ты делаешь, бесстыжий! Затопчи... нет, такой не затопчешь. Землей забросай, камнями.

Олег с беспокойством смотрел, как несчастный Таргитай вырывает целые пласты земли, швыряет в пылающий столб, там исчезает все, а огонь не уменьшается. А когда Таргитай прихлопнул каменные плиты, еще сырые снизу, и тоже швырнул в оранжевый столб, Олег задержал дыхание. Пламя даже не качнулось, бьет огненным столбом на высоту в два человеческих роста, с его вершинки в небо уносятся щелкающие оранжевые искры.

– Я ж говорил, – сказал он тоскливо, – а ты: зажигай, зажигай... Зажечь легче, чем гасить. Как всегда, легче ломать, чем строить.

– А если волхвоством? – поинтересовался Мрак.

– Где-то с пятой или десятой попытки затушу, – ответил Олег, – но сколько натворю... Да и как загашу? Вдруг здесь земля провалится в преисподнюю, а там в ледяном мраке все погаснет?

Мрак подумал, коричневые глаза с беспокойством смили высоту огненного столба:

– Не надо. Что случится в тридесятном царстве, мне до червивых грибов, пусть ихние колдуны отвечают, а вот трескать землю ты умеешь лучше всего, это признаю... Ладно, уберите хворост подальше, а это пусть горит. Если набегит какое бродячее племя, здесь жертвенник установят, огненному богу поклоны бить будут.

– Ну, уж так сразу, – возразил Олег уязвленно, ибо Мрак все почитание богов свел к человеческой дурости.

– А что? Человек всегда ищет, кому бы поклоняться. Хоть пню, но кланяется. А ведь Род особо сотворил то, чему человек должен поклоняться.

Уже оттаскивая хворост подальше от огня, Олег поинтересовался:

– Что?

– Женщину, – ответил Мрак.

– Кого? – переспросил Олег, не поверив своим ушам.

– Женщину, – подтвердил Мрак негромко.

Это было так не похоже на сурового и звероватого оборотня, что брови Олега сами полезли на лоб, там уперлись в тяжелые складки. Он помотал головой и поспешил побыстрее забыть странные слова оборотня. Все-таки яд хоть и затих, но исподтишка подтачивает могучую волю сильнейшего из невов.

Таргитай сунулся к коням, но Мрак бросил невесело:

– Дальше придется ножками. А Таргитай может копытами.

– Почему я? – удивился Таргитай. – У меня две ноги, как у людей! А вот у некоторых так и вовсе четыре лапы с когтями. А у кого-то совсем лапы две, а все остальное – крылья с такими когтями, что жуть берет...

– Да ладно, Тарх, – сказал Олег, – я тоже привык к своему буланому.

– В этом мире ни к чему нельзя привыкать, – ответил Мрак, его коричневые глаза отыскали Олега. – Вон у волхва спроси... Там заросли, Тарх. Нам пройти будет нелегко, а уж коням... И волшба не поможет.

Он погладил коня по умной морде, вздохнул, снял с тонких ног путы, легонько хлестнул по крупу:

– Возвращайтесь к людям... Повезет тому, кто вас встретит первым.

Добрый Таргитай сказал жалостливо:

– Их по дороге волки перехватят.

– Волки тоже люди, – сказал Мрак сурово. – Им жрать охота, не только тебе.

Таргитай прикусил язык, Мрак иногда и в человеческой личине больше волк, чем человек, легонько стегнул своего:

– Давай бегом!.. Мы далеко забрались, но я и то бы выбрался. А ты конь, у тебя и ноги четыре, и голова больше.

За их спинами оранжевый столб зло и торжествующе рвался к небу. В нем была злая мощь, ярость, и даже Таргитай, оглядываясь на непростой костер, не мог себе представить, как отнесутся к нему простые люди, странники, бродяги, разбойники.

Кони отошли к едва заметной тропке, остановились, оглядывались на людей с недоумением и, как показалось Таргитаю, с обидой.

– Ладно, – бросил Мрак с досадой, – все не рассчитаешь!..

Он быстро и уверенно двинулся мимо дуба-отца, перескочил через могилку древнего героя, далекая стена леса для него уже не стена, различал даже жуков на стволах, натеки смолы и темные пятна чаги. Лицо окаменело, ноздри свирепо подпрыгивали, словно уже чувствовали там впереди схватку.

Солнце обрушилось на голову и плечи, когда до края опушки осталось не больше сотни шагов. Их тени побежали впереди, только сейчас удалось выскользнуть из-под широких ветвей дуба-великана. Над головами замелькали, блестя радужными крылышками, сухими и ломкими, как пересушенные стебельки травы, большеглазые стрекозы, а в высоте послышался ликующий писк жаворонка.

Глава 9

Иногда деревья и раскоряченные выворотни разлучали их, бежали каждый сам по себе, но людям леса проще заблудиться в городе, и снова бежали плечо к плечу, пока вновь не разбегались по сторонам, огибая что-нибудь растопыренное, грозящее небу высохшими корнями, уже серыми, острыми, как наконечники копий.

Когда снова оказывались друг у друга на глазах, у Олега котомка за плечами становилась все толще и толще, явно на ходу срывал лечебные травы, а Таргитай однажды появился из-за деревьев с оголенной от коры палкой, лизал жадно, как коза лижет соль, жмурился от наслаждения так, что пару раз треснулся о стволы, сверху посыпались листья, сучья и птицы из гнезд, даже сами гнезда.

Солнце светило через листву все жарче. По лесной тропке бегали узорчатые тени, сшибались, наползали друг на друга, составляли такие причудливые узоры, что зачарованный Таргитай засмотрелся, а когда опомнился, догонял друзей так рьяно, что хриплым хеканьем распугал в кронах птиц, а в дуплах перепугал белок и куниц.

Олег чему-то морщился, Таргитай слышал в голове волхва хруст и скрип, шелест, уже решил было, что знает, как мозги придумывают умные мысли, потом заметил, что волхв в великой задумчивости чешется, как простой пес или певец... богом Таргитай себя никогда не называл, а не считал тем более, решил смолчать о своем неполном открытии, а Олег, начесавшись, хлопнул себя по лбу, весь просиявший:

– Боромир рек о Черной горе, в которой живет владыка всех горных великанов!.. Жаль, я тогда составлял отвар из трав, слушал вполуха... Но если прийти к королю великанов, он нас выслушает, ибо король – это не дикие великаны, что вырывают деревья с корнями, ревут и трясут скалы!

Мрак скептически хмыкнул:

– В Черной горе?

– В Черной.

– А как туда попадешь? Постучишь?

Олег недолго морщил лоб, ответил сразу:

– Разрыв-трава отворяет любые запоры. Хоть простые замки, хоть ключи из-под земли, хоть мосты, хоть сомкнутые горы...

Мрак развел руками, голос оборотня был полон яда:

– Осталось пустяк. Добыть эту разрыв-траву. Но я голову ставлю на заклад, что ты ее в этом лесу вряд ли найдешь!

Олег не ответил, замедлил шаг, ибо впереди из-за деревьев на тропку вышли пятеро крепких мужиков. Все в лохмотьях, рожи звероватые, в шрамах, у одного вырваны ноздри напроць, отчего лицо вовсе не лицо, а добротное кабанье рыло.

У всех в руках дубины, увесистые, из цельных комлей молодых деревьев, с обугленными шишаками, оставшимися от срубленных корней. А у того, который вышел вперед, в руке был топор на длинной рукояти, а грудь защищал настоящий наплечный панцирь, старый, но из железных пластин.

Олег сказал досадливо:

– Опять?.. Это уже было.

– Было, – подтвердил Таргитай с готовностью. Подумал и добавил убежденно: – И даже бывало.

Мрак поднял руки:

– Мужики!.. Бросьте это дело. Вы ж видите, с нас взять нечего.

Вожак оглядел его с головы до ног. Глаза потемнели, проговорил медленно:

– Ну, это еще неизвестно. Такие бродяги даже в лаптях, бывает, носят камушки... А золотые монеты зашивают в тряпки.

– У нас не тряпки, – обиделся Таргитай.

Вожак ухмыльнулся:

– Мы должны проверить.

– Как?

– Да просто бросим в костер, – сообщил вождь. – Если есть золотая монета, она ж не сгорит!

Олег спросил из-за спин Мрака и Таргитая:

– А как же пойдем голые?

Вожак ухмыльнулся:

– Тут ты прав. На позор вас пускать нельзя. Придется тут и порешить.

Таргитай растерянно открыл рот:

– Что – порешить?

Олег вышел из-за его спины, встал рядом. Плечи его напряглись, а голос стал тверже:

– Не что, а кого. Тебя, дурака, решили зарезать раньше, чем это сделает Мрак или сделаю я.

Он взял посох двумя руками, выбрал взглядом вожака, потом понял, что Мрак обидится, нацелился на двоих слева, правых возьмет Таргитай... если успеет раньше Мрака. Да и он зря наметился на двоих, одного бы успеть до Мрака...

Мрак смотрел почему-то печально, плечи опустил, из груди вырвался тяжелый вздох. Пятеро, видя, что трое бежать не собираются, начали подходить, осторожно обходя с боков. Крались даже не по-волчьи, у волка просто воинская хитрость и осторожность, а трусливо, по-лисий, даже не по-лисий, и у лисы есть свое звериное достоинство, а у этих не было и капли даже звериной гордости, эти были хуже зверей, подлее зверей, ибо ни один зверь не убивает на забаву...

Мрак сказал с горечью:

– А может, ты и прав, Олег.

– В чем?

– На кой нам рвать жилы... Упыри так упыри.

На них бросились с трех сторон. Олег молниеносно встретил ударом длинного посоха, услышал слабый хруст, будто ударил по птичьему гнезду с яйцами, тут же развернулся в одно молниеносное движение и другим концом достал в лоб второго... Одновременно там блеснуло металлом, ему на руки брызнуло мокрым и теплым, и он с омерзением понял, что секира Мрака развалила голову разбойника, как гнилую тыкву.

Они замерли, не успев еще сделать второй вдох, быстро оглядели дорогу спереди, сзади. За кустами тихо, а на земле пять трупов. Горячая кровь бурно хлещет из трех зверски рассеченных тел, и только двое лежат почти без знаков наглой смерти. У одного лоб проломлен так, словно ударили камнем размером с куриное яйцо, а у второго вдавился вовнутрь, а глаза, напротив, выпали, будто ударили валуном, и Олег понял, что Таргитай попросту стукнул кулаком.

Мрак вздохнул, брезгливо вытер секиру. Олег, чувствуя непонятное омерзение и тошноту, торопливо нарвал листьев и так долго вытирал кровь с рук и одежды, что Мрак раздраженно заинтересовался:

– Может быть, еще и вылижешься?

Олег содрогнулся:

– Ни за что!

– Что так?

– Какие-то слишком мерзкие, – признался Олег. – Больные, что ли... Как бы зараза какая не пристала.

Мрак сказал понимающе:

– То ли дело – упыри. Чистенькие, хоть и в болоте живут.

– И умные, – добавил Таргитай.

– Ну, тебе виднее, – согласился Мрак.

Олег посмотрел на него очень внимательно:

– Что ты говорил насчет упырей?.. Тогда, когда эти пятеро еще топтались ушами кверху?

Мрак отмахнулся:

– Плюнь. Плюнь и забудь. Это было так... слабость.

Олег вздохнул:

– Жаль...

– Чего жаль?

– Я уж подумал, что ты начинаешь понимать.

– Ничего не начинаю, – огрызнулся Мрак. – Вы так лихо разбили этих... мозги вон на деревьях висят!.. что подумал... Не все, мол, потеряно. Таких бойцов поставить под каких-то жаб? Пусть и самых мудрых на свете?

А Таргитай, жадный ко всему необычному, напомнил просительно:

– Олег, а Мрак говорит, что ты, как дурак, не знаешь, какая разрыв-трава даже с виду...

Олег метнул на дурака злой взгляд, прожег в нем дыры, побил головой обо все деревья, втоптал в землю и лишь тогда неохотно ответил:

– Ты что, уже забыл, как ползали по буеракам в том лесу, где добыли Цвет папоротника? Сейчас времени нет, но я волхв, я знаю и другой способ ее добыть.

– Ну-у?

– Чтобы получить разрыв-траву, надо выйти в полночь на пустырь и косить траву до тех пор, пока коса не звякнет и не переломится...

Мрак прервал раздраженно:

– Тоже мне способ!.. У нас нет ни косы, ни пустыря, ни даже времени до полуночи!

Оглядевшись, он сорвал с убитого железный нагрудник и, подпрыгнув, ухватился за нижнюю ветку. Изумленный Олег наблюдал, как Мрак быстро вскарабкался на дерево, там темнело дупло, закрыл его железным кругом и быстро слез.

– Разводи костер, – сказал он, отряхнул ладони, огляделся, – пока перекусим, а там поглядим...

Над головами раздалось хлопанье крыльев. Дятел летел с полным клювом, видно, лапы растопырил, словно грозился всех ухватить и разорвать. Перед гнездом суматошно захлопал крыльями, растерянно рухнул на ветку. Невры видели, как он обеспокоенно забежал по стволу, пытаясь просунуть голову в щель, но железная пластина была забита туго, и дятел жалобно застонал, заклекотал, Таргитаю даже почудилось, что на него рухнула горячая слеза, тяжелая, как сиротская.

– И что теперь? – спросил Олег.

– Поглядим.

– Но это же дятел...

Снова захлопали крылья, мелькнула красная голова, дятел улетел, а от костра уже пошел ароматный запах. Таргитай умело обложил мясо диким луком, капельки жира срывались на угли, шипели, а запах выстреливался острыми струйками.

Они ели молча, прислушивались. Когда оставалось догрызть кости, над головами снова захлопали крылья. Красноголовая птица опустилась прямо перед забитым входом в дупло. Видно было, как молча ткнула клювом в железо. Там звонко звякнуло, железо раскололось, половинки тяжело полетели вниз, а дятел юркнул в дупло.

Таргитай отпрыгнул, чтобы железяка не лупанула по голове, а Мрак, напротив, выставил руки. Железки звякнули мимо, но когда он сжал ладонь, на лице оборотня была довольная улыбка.

– Что там? – спросил Таргитай. – Жука пымал?

Мрак молча разжал кулак. На ладони распрямлялся свежий стебелек темно-зеленой травы, лепесток с четырьмя уголками. Олег изумленно покрутил головой. Мрак, дитя леса, придумал лучше, чем сто тысяч волхвов.

– Да что непонятного? – поморщился Мрак. – У природы учиться надо.

А Таргитай вытарашил глаза:

– Вот это да!.. Дятел умнее нашего Олега!.. Нет, надо же... Олег, ты чего терпишь? Он умнее, наверное, потому, что головой о дерево каждый день бьется?

Трупы остались зверью на потеху далеко сзади, закапывать недосуг, да и кто знает похоронные обычаи в этой земле? Только Олег все еще оглядывался, ломал голову, как поступил бы мудрец, если среди этой пятерки одного надо закопать, другого сжечь, третьего подвесить к дереву, четвертого оставить на растерзание зверям, а пятого положено съесть родне, чтобы погибший покоился не в сырой земле, а в желудках любящих родичей... но мудрец не знает, кто какие ритуалы считает своими!

А Мрак, оторвавшись вперед, мелькал среди деревьев, потом изгои услышали его удивленный свист. Оборотень подходил к могучему дубу, что привольно раскинул ветви впереди. Из ствола торчал, погружившись до половины, великолепный меч. Рукоять была сделана просто, но чувствовалась рука умелого оружейника, так и просилась в ладонь, обещая лежать в ней удобно и цепко, не выскальзывать, даже во вспотевшей ладони или окрасившись кровью.

Лезвие хмуро и грозно поблескивало. Неуловимо быстро пробежали странные знаки, прятались в толстом наплыве, что окружал лезвие.

Мрак замедлил шаг, смотрел с интересом:

– Это ж сколько лет он торчит?

– Трудно сказать, – ответил Олег настороженно. Пояснил: – Для этого надо узнать его длину. И насколько глубоко всадили. Но можно сказать точно, когда скроется полностью. Если каждый год кора нарастает на толщину волоса...

– Твоего?

– Нет, на конский. А то и кабаний.

Мрак усомнился:

– Это ж дуб, а не какая-нибудь береза или клен! Дуб растет медленнее. Так что не успеет поглотить весь. Рассыплется, когда кончик рукояти будет еще на свету.

Они прошли, Таргитай оглядывался на чудесный меч, но желания взять и выдернуть не возникло. А впереди был широкий ручей, Мрак перебирался на другую сторону, прыгая по камням. В сторонке, где явно был омут, из воды внезапно высунулась женская рука, с натугой вздымала длинный меч в роскошных ножнах. Меч тянул в воду, навстречу поднялась вторая рука и так держала меч врасстырку обеими руками.

Сквозь прозрачную воду можно было рассмотреть размытую фигуру водягини, но не голой, как они все, а в белых одеяниях, которые водоворот закручивал вокруг ее тела, выгодно и умело показывая все выпуклости, тонкий стан.

– Че это она? – спросил Таргитай.

– Предлагает, – объяснил Мрак.

– Задурно?

– Задурно сам знаешь, что бывает. Обет какой-нибудь надо дать. Помогать сирым и обиженным, бить злых, не сморкаться в скатерть...

Таргитай обиделся:

– Я и так не сморкаюсь!.. Я всегда на пол, как усе люди.

Он миновал руки с мечом, с сожалением оглядывался. Олег бросил с неудовольствием:

– Но это делаем потому, что сами так хотим, а не потому, что принуждают делать добро или приняли навеки обет! Не взяв этот меч, сохраняем свободу выбора. Понял?

Таргитай оглянулся на торчащие женские руки, что уже начали опускаться с мечом под воду:

– Понял... но есть все равно хочу. Если бы она нам рыбину поймала такую же длинную!

На берегу Мрак ускорил шаг, изгои догнали оборотня, когда проходил мимо огромного валуна со стесанной вершинкой, прямо из которого торчал крупный меч с крестообразной рукоятью.

Таргитай крикнул Мраку в спину удивленно:

– Опять меч! Уже в камне.

– Да черт с ними, – огрызнулся Мрак, не оборачиваясь. – Этих мечей как листьев в лесу. Все их тебе наперебой тычут! А вот хлеба не всегда вдосталь...

Он умолк, впереди на полянке среди травы лежало крупное яйцо. День был не особо солнечный, но яйцо словно бы светилось изнутри. Мрак хмыкнул, оглядел критически. Все яйца можно есть, но это больно красивое. Как будто снесла не простая лебедиха, а чудесная...

Олег опустился на колени, потрогал кончиками пальцев, прислушался к ощущениям. Рыжие брови поползли вверх, а рот слегка приоткрылся.

– Сколько же оно здесь лежит?.. Или она снова сюда прилетала?

Таргитай, пользуясь остановкой, достал дудочку, а Мрак спросил нетерпеливо:

– Что-то волхвовье?

– Да, – ответил Олег с таким почтением, что Мрак заколебался, разбивать или не разбивать, вон Таргитай уже облизывается. – Яйцо, которое не топчут звери, не бьет град... Наша богиня Лада часто летает по свету в личине белого лебедя. Это ее яйца. Когда улетала на юг, там снесла яйцо, из которого появилась девочка необычайной красоты... из-за нее, волхвы говорят, будет величайшая из войн, погибнет великий город, а с ним погибнут и все до единого герои в тех странах, что воевали, после чего их уже там никогда не будет... А еще раньше она снесла там же два яйца, из которых родились двое мальчиков-близнецов, равных которым нет в той стране... Ну а здесь она яйца роняет чаще, чаще...

Мрак хмыкнул, хотел что-то спросить еще, но шорох в кустах отвлек, он ухватился за нож, исчез, далеко за ветками раздался жалобный заячий крик. Мрак вскоре вернулся, торжествующе держа за уши толстого молодого зайца:

– Смотри, какой толстый!.. Как Таргитай!.. Даже убежать не смог, зад тяжеловат...

Таргитай обиженно посопел, буркнул:

– У меня зад не больше твоего.

Мрак великодушно разрешил:

– Ладно, яйцо не трожь. Говоришь, из-за нее погибнет великая страна где-то там, далеко на юге?

– Так говорят старые пророчества, – подтвердил Олег грустно. – И свою погубит тоже. И пару соседних.

– Это хорошо, – сказал Мрак довольно. – Пусть летает.

А Таргитай облизнулся, сглотнул голодную слюну и сказал с усилием:

– Пусть летает. И пусть выводится всякое... красивое!.. Даже если Змеев не стало бы, Мрак же удавится...

Мрак хмыкнул, швырнул ему добычу:

– На, понесешь. Ты с таким грузом бегаешь быстрее, знаю. А кабана тебе дай на плечи, так вовсе поскачешь как зайчик.

– Своя ноша не тянет, – сообщил Олег очередную мудрость.

Глава 10

Над головами темнело, но бежали, не обращая внимания, перепрыгивали через валежины, в лесу всегда сумрачно, но воздух свежел быстро, верхушки тревожно зашумели, ветер пронесся внезапный, буйный.

Сзади залопотало, словно на лес высыпали гигантский мешок гороха. Их догоняла серая стена, от нее шел треск и шум, что сразу почти заглушил их голоса.

Они мигом очутились под раскидистым деревом. Мрак проворчал с досадой:

– Куда боги смотрят!.. Кому такой дождь нужен в лесу? А в полях не допросятся...

По веткам ударило с такой мощью, что те прогнулись, обвисли. Они прижались спинами к стволу, а вокруг, всего в трех шагах, опустился странный водяной горшок, перевернутый кверху дном: прозрачные потоки воды слились в стену, что окружила их со всех сторон.

Земля разом вскипела, взлетала брызгами и комьями грязи, и казалось, вода вгрызается все глубже и глубже, отгораживая опасных людей от мира.

Таргитай подскочил и дико посмотрел наверх. Оттуда потекла тоненькая струйка, что сумела пробиться через заслон листьев, а те умело направляли всю воду туда, где под землей расположены их корни, самые кончики, ибо только кончиками можно тянуть воду и соки из земли...

Олег буркнул что-то и тоже отодвинулся. Мимо плеча бежала на землю другая струйка. Еще две пробились чуть в сторонке, а над головами ослепляюще блеснуло, чуть погода прогремел уверенный гром.

– Еще даже не подошел, – определил Мрак с досадой. – А что будет, когда разгуляется над головами?

Потом блистало все чаще и ослепительнее, глаза щемило от непрерывного блеска, а гром уже следовал за блеском сразу, без паузы, земля вздрагивала, запахло паленым, а шум воды уступал только грохоту.

Потоки воды наконец прорвались и над Мраком. Отплевываясь, он прокричал, с трудом перекрывая грохот падающей воды:

– Нет, пусть лучше уж на лес!.. Если такой ливень на поля, то все посевы смое!

А Олег напряженно раздумывал, потом вдруг хлопнул себя ладонью по лбу:

– Тарх!.. Тарх, иди сюда!

Таргитай быстро перебежал к нему, золотые волосы намокли и прилипли, он казался еще несчастнее, чем всегда, будто чувствовал, что неприятности еще впереди. Весь был мокрый не то что до костей, а до мозга костей.

– Чо?

– Что за палку ты лизал?

– Я соку добыл, – ответил Таргитай простодушно.

– Как?

– Да как всегда, – пролепетал Таргитай еще несчастнее. – Из муравейника!

Мраку показалось, что Олег хотел выругаться, но усилием воли удержался от недостойного волхва порыва, только спросил яростно:

– Как? Положил на муравейник?

– Ага, – подтвердил Таргитай, – только они что-то больно смирные... Не хотели ее кусать. А вы уже убегали, надо догонять, вот я и поторопил муравьев...

– Как?

– Да просто разворошил малость.

Олег ахнул, Мрак насторожился, услышал, как всегда сдержанный волхв все же выругался сквозь зубы.

– Олег, стряслось что?

– Ну конечно! Этот дурень расковырял муравейник, а муравьи и жабы – любимые звери Рода. Но люди – это хитрые твари, когда им нужен дождь, то идут в лес и ковыряют муравейник, приговаривая: «Сколько муравьев, столько капель». Конечно, тут же собираются тучи, идет дождь!

Мрак прорычал:

– Ну, конечно же, наш... бог расковырял так расковырял!

Таргитай, не дожидаясь, пока выгонят под ливень, выскочил сам, несколько мгновений было видно в стене падающей воды, как скользил по раскисшей земле и взмахивал дланями, будто пытался взлететь, потом исчез.

Но скоро стена падающей воды стала реже, рев начал стихать, а страшный треск над головой превратился в грохот, уже похожий на гром, раскаты медленно удалялись. Глазам, полуослепшим от молний, еще было больно от непрерывно мерцающего небесного света, но тот тоже стал не таким неистовым, слабел.

Наконец ливень перешел в дождь, сквозь листву били тугие струи, но уже струи, а не потоки, видно было всю поляну, посветлело, тучи отступали, наконец показался бегущий Таргитай.

Еще издали закричал с детской обидой:

– Они ж все под елкой, на них не упало ни капли!.. И когда я прибежал, они уже сами почти все стаскали обратно!.. А когда я малость подправил им верхушку, так еще и покусали!

Он совал им распухшие руки, все в мелких бусинках крови. Олег посмотрел холодно и отвернулся. Будь его воля, еще и солью натер бы такие раны. А Мрак вышел на открытое место, мутная вода бежала серыми ручьями, несла мусор, перепрелые листья, клочья мха, растрепанные птичьи гнезда. В самом мелком месте было по щиколотку, а кое-где бурлило такими водоворотами, словно над затопленными берлогами индриков.

Таргитай вышел следом, ахнул. Олег быстро спросил встревоженно:

– Что опять натворил?

– Счастье, – ответил Таргитай невпопад, голос его был потрясенным, глаза лезли на лоб. – Я понимаю, как видит Мрак...

Вымытый дождем мир разом стал невысказанно четким, ярким, с выпуклыми гранями и глубокими щелями. Таргитай поперхнулся свежим, как горный родник, воздухом, раскинул руки, будто пытался обнять весь белый свет.

На деревьях с нечеловеческой четкостью он видел каждый листок, каждую жилку в листочке, мог наблюдать движение соков в каждой жилочке, видел самую мелкую тлю так ясно, что мог сказать, на какую лапку хроменькая и что у нее в полупрозрачном пузике.

Да что там деревья: далеко-далеко в просвете виднелись горы, так вот, воздух стал настолько прозрачным, что Таргитай рассмотрел даже мелкие камешки на дальней горе. Голая земля из серой и невидной превратилась в самоцветную плиту, что пролегла от одного края дальнего ущелья до другого. Красноватые прожилки, как живые, вплетались в оранжевые, расползались по серому камню, что тоже не был серым, если присмотреться. Там был целый мир, красочный и яркий, далекая отвесная стена из грязно-серой тоже превратилась в цветную, а на самых дальних стенах Таргитай с потрясающей четкостью различал все щелочки, видел прыгающих горных козлов, отсюда не крупнее макового зернышка.

– Боги, – выдохнул он пораженно, – и такой мир должен исчезнуть? Да они все с ума сошли!

– Какой мир? – встревоженно спрашивал Олег. – Какой мир?

Мрак бросил острый взгляд на потрясенного певца. Кулаки оборотня сжались, словно вытряхивал душу из восторженного дурня, но сдержался, лишь шумно выдохнул:

– Что ты видишь, слепец... Видел бы ты еще и запахи!

- Пошли, – сказал на это Олег.
- Побежали, – согласился Мрак.

Таргитай, вздохнув горестно, спрятал дудочку. На ходу играть и петь наловчился давно, как лежа и сидя, но на бегу...

Когда проскакивали широкие поляны, они слышали, как в сияющей синеве едва слышно верещит счастливо и беззаботно жаворонок, единственная птица, которой Род позволял взлетать к себе на вершину Прадуба. Когда-то, когда он на пару сотен лет впал в тоску... надо подумать, сказал себе Олег трезво, что за повод для тоски мог быть у самого бога богов?... так вот, в годы тоски жаворонок ежедневно утешал Рода, распевал ему в уши свои нехитрые песенки... прямо Таргитай, сказал себе уязвленно... выбирал из волос соринки, когда тот в отчаянии бился головой о ствол, и за такое участие высший из богов позволил ему подниматься прямо к себе.

Правда, иногда, возгордившись, жаворонок хватает соломинку и летит наверх, похваляясь всему свету: «Полечу кием бить, кием бить!», «Пойду с Родом биться!», а потом слышен его отчаянный вопль: «Мене Род кием-кием-кием-кием бил-бил-бил!..»

Он прислушался и в самом деле услышал жалобный писк: «Нема чем... Нема чем!.. Кий упал, кий упал...» Серdito отмахнулся, ибо если ему начнут слышаться слова даже в дурацком щебете дурной птицы, то из старающегося понять все волхва превратится в Таргитая.

По рассказам волхвов, Род самолично сотворил жаворонка, подбросив комок серой земли в небо. Потому жаворонок серый, как земля, потому на зиму прячется в мышиную нору и там спит. В середине зимы переворачивается на другой бок и спит до весны.

Правда, часть этих серых пискунов все же остается на небе, чтобы первыми сообщить о начале весны...

Таргитай принялся, вскрикнул:

- Чую жильё!

Олег оглянулся с раздражением, глупое лицо дударя разругалось, глаза блестели счастьем, словно у кота перед открытым кувшином сметаны. Даже бег ускорил, обгоняет.

Ноздри Мрака дернулись раз-другой, сказал с удивлением:

- Впервые этот жрун раньше меня учуял... Правда, пахнет стряпней.
- Тогда понятно, – согласился Олег. – Я бы варево из волшебных трав тоже учуял раньше всех.

Стена деревьев раздвигалась. Стало светлее, показались узкие трепещущие лучи солнца, что проникали сквозь кроны. Чуть дальше все было залито ярким солнечным светом, потянулась широкая поляна, почти поле, утоптанная так, что не росла даже трава. Деревья отступили далеко, стояли широким кругом в несколько верст, а посередине этого поля виднелось с десятков хижин на высоких столбах. Несколько странно высоких тощих мужчин вяло бродили вокруг хижин, медленно били в землю толстыми дубинами.

- Змеи, – предположил Олег тревожно.
- Муравьи разве что, – буркнул Мрак, с его острым зрением он мог бы рассмотреть и жуков. – Что-то ритуальное. Кто знает, какие тут боги?

Лесная деревушка медленно приближалась. Под ногами глухо стучала твердая как камень земля. Зоркие глаза Мрака усмотрели вмятины от ударов.

Олег начал выдвигаться вперед. Мрак придержал Таргитая, тот жалел волхва и пытался бесстрашно переть впереди всех.

Люди заметили троих, но никто не убежал, никто не пошел навстречу. Опустили дубины и молча ждали. Все выглядели больными, изможденными, а кожа была серо-зеленой, нездоровой и словно бы покрытой коростой. Олег ощутил холодный ветерок, хотя воздух стоял неподвижный, как вода в болоте.

Он вскинул руки, показывая пустые ладони, шаг замедлил, но не остановился, пока не оказался в трех шагах от передних.

– Мы с миром, – сказал он внятно, – идем мимо. В ваших лесах зверя бить не будем, ваших женщин трогать не станем.

После долгой паузы вперед замедленно шагнул высокий и очень худой старик. Глаза без всякого выражения смотрели на Олега и как-то разом на Мрака и Таргитая. Голос был похож на скрип старого дерева.

– Вы можете заночевать у нас, ибо в лес вошла ночь.

– Ночью люди должны спать, – согласился Мрак настороженно.

Чутье говорило, что старика бояться не стоит, не враждебен, однако шерсть поднялась на загривке, изнутри подкатывался странный холодок, будто прикоснулся к покрывалу, скры- вающему тайного бога, и вот-вот дернет за край так, что узрит страшное.

– Мы... заночуем... может быть.

Олег, явно намереваясь вести разговор сам, сердито отпихнул локтем оборотня:

– Вообще-то мы ищем Хозяина леса. Вы ведь знаете здешний лес?

– Вы идете правильно, – ответил человек, которого Олег уже начал называть войтом, он выглядел старше других, живее.

Мрак хмыкнул, глупые вопросы задает волхв. И так видно, что это племя наполовину из деревьев. Рожи деревянные, сами, как мухи в начале заморозков, серые, а кожа на мордах так и вовсе зеленоватая.

– Тогда заночуем, – решил он. – А утречком и отправимся.

Он быстро оглядел остальных, никто не возражает ли, по спине снова пробежал недобрый холодок. Лица у всех не просто деревянные, у них и глаза... не глаза, а наплывы на дереве, такие же серо-зеленые, только и того, что поворачиваются с натугой, слышно даже, как скрипят.

– Добро, – ответил войт ровным бесцветным голосом. – Но вам не отыскать дорогу.

– Да мы тоже вроде бы в лесу не чужие.

– Здесь даже мы не знаем дорог, – ответил войт тихо.

– Запреты? – спросил Олег.

Войт медленно покачал головой:

– Кикиморы.

– Ого! А чего с ними не ладите? Нам они никогда под ногами не путались.

– Им так сказано, – изрек войт негромко. – Никто и никогда не находит дорогу к Хозяину. Только один человек, но он хранит тайну, а передает ее только своим сыновьям...

– Ого! Кто это?

– Наш вождь.

Мрак посмотрел по сторонам:

– Вождь? А я ж думал, ты и есть вождь. Вид у тебя прямо как у вождя над вождями.

Войт вроде бы выглядел чуть польщенным, но голос не изменился.

– Только вождь.

– Как с ним повидаться?

– Вождь сейчас на охоте, – ответил войт. Подумал и повторил значительно: – На Великой Охоте. Вернется только через два-три дня.

Олег тихонько выругался, Мрак удивленно покосился на мудрого волхва. Таргитай с раскрытым ртом глазел по сторонам.

– Черт, – сказал Мрак раздосадованно. – У нас не так уж много времени... Он нам сможет показать?

– Смог бы, – ответил войт, – но станет ли...

Его водянистые глаза остановились на Олеге, у того вновь пробежал по спине холодок, а внутри стало тяжело и холодно. Глаза войта без зрачков, серо-зеленые, болотного цвета, не

глаза, а молодые наплывы древесной коры, пока еще не затвердели, не стали темными, как чага, но уже неподвижные, не мигнет даже, без век, как у ящерицы...

Войт указал на дальний домик, Мрак хмыкнул: все правильно – в сторонке, огорожен, на виду. Гостей не то что опасаются, но глаз не спустят, а кто ночью выйдет по нужде, того могут и копьём пощекотать, мол, ты ж обещал наших женщин не трогать...

Когда прошли мимо самого высокого домика, Таргитай горестно вскрикнул. От него к соседнему на высоте крыши тянулось огромное длинное бревно. Ствол слегка прогибался под тяжестью пятерых молодых парней, подвешенных за ноги. Лыковые веревки плотно обхватывали лодыжки, а руки несчастных не доставали до земли по крайней мере на сажень. У всех бледные измученные лица.

– За что их так? – спросил он жалостливо.

Олег оттолкнул его от войта подальше, а Мрак процедил сквозь зубы:

– Не твое собачье дело, хоть ты и бог! Забыл, как ведьму спасал?

– То была не ведьма, – возразил Таргитай горячо.

– А кто?

– Ее приносили в жертву местному богу.

– Замуж, значит, отдавали, – вспомнил Мрак. – Вот видишь! А ты влез со своим божеским ликом... Хотя нет, тогда ты еще не был богом. Значит, со своим свинячьим рылом... А даже собачьей свадьбы нельзя портить, не знаешь?

Таргитай оглядывался на измученные лица, вытянутые тела, беспомощно свисающие руки. Когда подошли к гостевому домику, не утерпел, спросил войта почти враждебно:

– Их повесили до смерти?

– Нет, конечно, – ответил войт бесстрастно.

– А куда?

Войт задумался, посмотрел на небо, уже темнеющее, только красный закат окрашивает верхушки домов. Проговорил медленно:

– До сухости.

– А что это?

Мрак пихнул Таргитая, но войт ответил неспешно:

– Еще день-два. Пройдет дождь, все подсохнет, тогда и отвяжем.

Таргитай ахнул:

– Они ж погибнут!.. За что такая кара?

Мрак тащил Таргитая к лестнице, все как у дрягвы, только что не на болоте. Таргитай упирался, как коза, которую тащат на базар. Войт ответил равнодушно:

– Это не кара.

– А что?

– Так наши боги велят.

Таргитай покраснел от гнева. Мрак опасался, что дурак заорет, что он сам бог, ему никакие здешние деревяшки не указ, но Таргитай все же смолчал, не стал напрасно состязаться с чужим богом или постеснялся, только спросил:

– Почему?

Войт подумал, развел руками:

– Не знаю.

– Тогда надо отпустить.

– Нет, – ответил войт серьезно. – Боги рассердятся.

Таргитай скрипнул зубами, Мрак пихнул его в спину. Лестница стонала и раскачивалась под могучим телом тоже лесного человека, но из другого лесного племени, очень другого... Мрак развел руками, улыбнулся войту. Добрый дударь редко когда сердился даже чуточку, а сейчас вон затрясло всего.

Лицо войта оставалось бесстрастным, глаза не двигались. Он показался бы слепым, если бы не ощущение, что видит даже лучше их всех, вместе взятых. Мрак поднялся вслед за Таргитом в хижину. Внутри чисто, сухо, стол и широкие лавки, они же лежанки, охапки сухой травы. Воздух тоже сухой, словно здесь нарочито все высушивали.

– Здесь нам постелили? Вот и дождемся утра. И не твое собачье дело, как у них и что. Говорю тебе еще раз, будь хоть трижды богом. В чужую боговню со своим камнем не ходят... Я говорю, в чужой храм свой жертвенник не носят!

Пристыженный Таргитай, так о нем подумали, повесил голову. Не нужны ему никакие жертвы. Разве что пусть его песни поют, но какие это жертвы, если поют не из-под палки? И никаких девок по весне ему топить не надо, пусть Мрак не дразнится. И летом тоже не надо. И даже на осень, когда собрали урожай, пусть не топят...

Мрак походил, пощупал стены, даже потряс, остался доволен хрупкостью. Если надо будет бежать, то прорвутся в любую сторону. Олег прилип к единственному окошку, рассматривал странную деревню, а Таргитай впервые не лег, послонялся и снова полез вниз по лестнице.

Олег и Мрак видели, как певец растерянно огляделся, потом побрел к ближайшим деревьям. Везде на диво чисто, словно гигантская поляна выметена, пришлось брести к дальним деревьям. Выбрался обратно почти сразу, за спиной такая вязанка хвороста, словно за все годы никто сухие ветви не собирал, копились столетиями.

Когда он добрался до их домика на курьих лапках из осин, Мрак вытащил кيسет с огнем, в его ладонях появились трут и кремь. Едва приготовился прыгнуть вниз, Олег поспешно ухватил за руку:

– погоди, не слезай!

– Ну что еще?

– Ты не заметил, что нет следов костра?

Мрак огляделся, насколько позволяли стены. Да, это не совсем по-людски, но здесь нелюдскости, как в лесу деревьев, эта затерялась подобно листу на березе.

– Заваливают, – предположил он.

– Но следы?.. Пепел, зола?.. Черные угольки?

– Может быть, выметают? – предположил Мрак, но сам видел, что такую тяжкую работу не заставит делать ни один бог, его тут же сменят на другого. – Нет, не то...

– Здесь какой-то запрет на огонь, – сказал Олег возбужденно. – Пока погоди... Надо разобраться. Не хотелось бы нарушать их ритуалы.

– Да мы всю деревню разнесем!

– Это легко, – согласился Олег, – но ты ведь хочешь их помощи?

Внизу Таргитай сбросил хворост на землю, обиженно топтался, задира голову. Мрак высунулся, злорадно показал ему что-то из трех пальцев, ядовито поинтересовался:

– Что, впервые не из-под палки собрался поработать, а тебе говорят «полежи»?

– Мрак, кушать хочется, – пожаловался Таргитай.

– Да? С чего бы... Ладно, быстренько собери этот хворост, бегом отнеси обратно. И положи так же, как было. Олег говорит, что это очень важно. Запомнил, как какая веточка лежала? Иначе такой ливень будет, что град с мой кулак покажется горохом.

Таргитай побледнел, золотистые волосы на миг показались Мраку сразу поседевшими от горя. В невинных синих глазах вспыхнуло отчаяние: неужто снова придется тащиться к далеким деревьям, хотя могучий волхв мог бы подтащить поближе весь лес, но почему-то так редко пользуется волхвованием.

– Ладно, лезь сюда, – сжалился Мрак. – Сырым жратаньки будешь. Богу все можно.

– Мрак...

– Ну ладно, не сырым, – сообщил Мрак, чувствуя себя, как бог, великодушным. – У нас есть еще жареное мясо, пара вяленых рыбин. Не бог ведь какая еда, но ведь какой бог...

Глава 11

Двое суток ждали возвращения вождя, и двое суток несчастные висели вниз головой. Один умер, его отвязали и унесли в лес, где закопали. Остальные четверо вытягивались под своим весом все больше. Почему-то им не давали ни есть, ни пить.

Таргитай стонал от жалости, даже попробовал подговорить Мрака отвязать ночью, пусть убегут. Мрак возразил: а куда убегут? Их племя здесь. Вне племени каждый умирает. Это им повезло, уцелели. А эти и так едва живы...

Великий вождь племени, в котором взрослых было едва три десятка, пришел с великой охоты к концу второго дня. С ним были двое подростков, явно помощники. Все трое несли по большой корзине из прутьев, откуда торчали пучки кореньев, связки странной белесой травы, молодой завязи папоротников.

Мрак провожал их взором, полным разочарования. Если это великая охота, тогда грибки здесь вовсе ходят в героях!

Выждав, пока голодный вождь насытится и похвастается, как доблестно сдирал с берез бересту, Мрак отправился в главную хижину. Олег собрался еще раньше оборотня, а Таргитай, как ни жаждал отлежаться после долгого пути за хворостом, потащился следом.

Вблизи вождь показался еще старше. С серой головой, иссохшийся, безмерно усталый, он все еще неспешно насыщался, рядом сидел войт и заботливо подкладывал ему сладкие корешки, сморщенные яблоки кислицы, груши, в сторонке стояло почти опустевшее лукошко с ягодами.

На взгляд Мрака, они были братья или отец с сыном, больно похожи, только войт медленный и сонный, как спящая рыба на берегу, а вождь хоть и намного старше, но сила еще чувствуется, а разнесенные в ширину костлявые плечи молча и с достоинством говорят о все еще не до конца истраченной мощи.

– Доброго здоровья, – сказал Мрак. – Прости, что так влезает... но нам надо срочно к Хозяину леса. Время уходит, мы и так тебя едва дождались.

Олег досадливо крикнул, он уже заготовил вежливые слова, похвалы, после чего тихонько перешел бы к увещаниям. А грубый Мрак все испортит.

– Так идите, – ответил вождь неспешно.

– Говорят, только ты один знаешь... прямую дорогу.

От вождя не укрылся намек этого лохматого человека, что и без него дорогу отыскивали бы, но спешат.

Он усмехнулся, в его возрасте уже не обращаешь внимания на детскую задиристость, сказал мирно:

– Я знаю дорогу к Хозяину леса. Прямую, как ты сказал. Но с чего бы я повел вас туда?

Наступило тягостное молчание, Олег торопливо перебирал доводы, не находил, тут из-за их спин вперед высунулся Таргитай:

– Но разве люди не должны помогать друг другу...

Олег хрястнул его по затылку. Таргитай качнулся, голова крепкая, но язык прикусил и умолк. Мрак пробормотал:

– Понимаю, предлагать вам серебро или золото – только время терять. Но чем мы можем вам отплатить?

Его пальцы деловито ощупывали секиру. По его виду можно было понять, что им уже и так отплатили, если еще не разнесли все к лешачьей матери. Просто так. Или если обязательно надо причину, то за то, что их друга-дударя обидели непотребным видом вверхногих.

В открытые двери все чаще заглядывали, но не столько любопытные, а словно по необходимости проверять чужаков, не спускать глаз, а если и спускать, то ненадолго. Вождь с угро-

жающим видом цыкнул, и слышно было, как эти люди так же неспешно, как улитки, начали сползать по лесенке на землю. Таргитай посмотрел по сторонам, его зовут дурнем, а сами стоя разговаривают, сел, потом сел удобнее, подумал и вовсе лег.

Мрак, однако, шумно перевел дыхание, напряженные мышцы опали, он сказал совсем другим голосом:

– Ты в самом деле не зря в вождах трешься. Сразу зришь в самый что ни есть корень!

– Корень? – переспросил вождь.

– Корень, – подтвердил Мрак. – Другие только по листьям да веточкам, а ты зришь вовнутрь ствола, видишь, как он под землей разбросал свои корни, как воду сосет, будто лось после скачки, жрет всюю...

Олег чувствовал напряжение в доме, потом все странно изменилось, словно собиралась гроза, вот-вот грянет, а затем мгновенно гроза свершилась, ее даже не заметили, а теперь дышится легко и вольно.

Вождь посматривал исподлобья, но голос потеплел:

– Откуда ты знаешь про деревья?

Мрак удивился:

– Тю на тебя! Мы ж сами люди Леса. Вот этот рыжий из рода Дуба, он и сейчас еще дуб дубом, этот вот, что сопит сзади, из славного рода Граба... или Вяза, не помню, хотя самого хоть грабь, хоть вяжи, слова не скажет. Его даже муравьи кусают! Мы ж всего полгода тому из дупел вылезли!.. А уже полмира обошли. Пески видели, окиян-море, на Змеях летаем, как ласточки на журавлях...

Их слушали жадно, истово. Вождь помедлил, в глазах впервые появилось нечто похожее на интерес, даже позеленели, будто молодые почки. Проговорил чуть быстрее, чем раньше:

– Из Леса? Что-то слышал о троих, что вышли... Если это вы... гм... Ладно. Вы расскажете, где побывали, что видели, а утром я сам отведу вас к Хозяину. Все-таки мы в чем-то родня. Я сам из рода Дуба. Договорились?

Мрак широко развел длинные мускулистые руки, в самом деле похожие на толстые корни крепкого дерева, а улыбка его растянула рот от уха до уха:

– Договорились!

Таргитай Мрак вытолкал, а Олег ушел сам. Оборотень наврет с три короба, а ему либо краснеть до самого низа спины, либо мычать и поддакивать. Лучше уж не соучаствовать в недостойном волхва деле, именуемом Мраком военной хитростью.

На ночь Таргитай вяло доел остатки холодного мяса, погрыз рыбы головы, тут же заснул, а Олег еще долго стоял у окошка. Луна светила слабо, но глаза привыкли, и он всматривался в странные хижины на высоких столбах – зачем столбы вообще? – ломал голову над отсутствием капища и жертвенного камня, ни одно племя не обходится без капища, в котором живет их бог...

Даже когда лег, набираясь сил для завтрашнего бега через чужой лес, перед глазами все еще двигались эти странные люди с зеленой кожей, безучастно проходили мимо несчастных, что висели вниз головой, никто не выказал ни злобы, ни отвращения...

Уже в полусне мелькнула тревожная мысль, яркая и всеозаряющая, даже понял, что это за странное племя, почему у них нет огня... но тяжелый сон навалился, как туша медведя, накрыл его мохнатой шкурой, и Олег успел только прошептать себе, что утром надо не забыть сказать, предупредить Тарха и Мрака...

Таргитай очнулся как от беспамятства. Голова тяжелая, словно налитая свинцом, душа стонала и отбивалась, стараясь подогнуть лапки и снова спать, спать.

Олег лежал, как коней продавши, раскидал руки на всю ширину хижины, левый кулак лежал на груди Таргитая. Таргитай понял, что потому-то и спалось так спокойно и защищенно, что хоть кулак волхва тяжел, но лучше спать под его рукой, все-таки защита, чем ощутить себя голым и брошенным, как он всегда чувствует себя в одиночестве.

И все же, сказал он себе, надо выползать из-под опеки старших. Они не хотят видеть того, что видно ему. И не станут этого делать...

Он осторожно снял кулак Олега, переложил ему же на грудь, заставил себя подняться, постоял, держась за стенку, пока из головы медленно уходил сон, а глаза привыкали к темноте. Ночной воздух охладил потное лицо, по телу прошел озноб. На темном небе с редкими звездами странно выступали острые крыши хижин. Вдали звездное небо обрывалось сплошной тьмой, там угадывалась стена леса. Где-то слабо погромыхивало, воздух плотный и тяжелый: гроза надвигалась медленно и неотвратно.

Лестница поскрипывала под его могучим телом, замирал при каждом движении, затаивался, но везде тихо, и наконец ноги уперлись в твердую землю. В полной тиши ощутил легкое дуновение на щеке, догадался, что пролетел филин, только они умеют летать, не хлопая крыльями, как дуры утки.

Он пригнулся, так легче различать на фоне звездного неба силуэты, прокрался на корточках, а когда увидел длинное бревно с темными силуэтами, пальцы судорожно сжали нож.

– Потерпите, – прошептал он. – Я не дам им мучить вас... Ишь, испытание! Меня тоже испытывали...

Щеки опалило жаром, он чувствовал, как прилила краска стыда. Три года подряд его одноклассники, а потом и те, кто моложе, проходили испытание перехода из подростков в мужчины, а он позорно не выдерживал, оставался на следующий год, потом еще на следующий, пока не изгнали из племени вовсе...

Первый парень не мог даже пошевелить губами, только глаза тупо следили за руками чужака. Таргитай перепилил лыковую веревку на руках и ногах, затем только догадался перехватить главную, на которой висел несчастный. Остальных троих освободил уже быстрее. Они долго лежали на земле, медленно приходя в себя, дышали тяжело, но Таргитай видел, как жизнь возвращается в их тела. Первый наконец встал, медленно сделал шаг, держась за хижину, покачнулся, перевел дух, сделал еще шаг, уже увереннее...

Таргитай вздохнул, тихонько попятился. Земля ровная, как каменная плита, но он ухитрился споткнуться, а когда поднялся, перед глазами были только столбы хижин, уже не сухие, а покрытые мелкими капельками даже не росы, а той влаги, что, не дожидаясь дождя, выкабкивается из воздуха и увлажняет лицо, одежду, стены.

Олег спал таким богатырским сном, словно не волхв, а тоже оборотень, только чуть помельче и рыжий. Огромный валун все так же медленно поднимался и опускался на его груди. Похоже, тяжелый кулак несколько не мешал спать безмятежно, словно и не волхв, что горами трясет, бедных зверей пугает.

Вздохнув, Таргитай тихонько лег с самого краешка. В груди пели сладкие птички вирия: он сумел заставить себя проснуться и встать среди ночи, он спас от мучений четверых парней... Его не спасли, а вот он, помня все, спас!

Гром прогремел глухо, гроза проходила стороной, но дождь застучал часто, торопливо, потом зашумел, словно по стенам и крыше разом забегали тысячи и тысячи крупных муравьев. Два раза блеснуло так ярко, что Таргитай рассмотрел даже ресницы спящего Олега, потом блеск померк, начал удаляться, а вскоре и шорох затих, только воздух оставался чистым и свежим, словно гроза бушевала здесь долго и мощно.

Засыпая, он успел еще чуть погордиться своим подвигом, а затем провалился... нет, взлетел в сверкающие выси, где он был красивый, сильный и очень умный, где спасал, бдил, рассуживал, повелевал и всюду делал людей счастливыми. Даже когда те упирались.

Воздух был влажный, но утреннее солнышко быстро изгоняло сырь. Ночью прошел дождь, даже не дождь, а так, дождишко. Мрак в проем видел мелкие лужи, в которых отражалось солнце. Люди их боязливо обходили, но что поразило и встревожило Мрака, так это ребятня, что при виде луж вовсе пряталась в хижинах, вместо того чтобы скакать козликами, разбрызгивая воду.

Снизу доносились встревоженные голоса. Он ловко спрыгнул, не обращая внимания на лестницу, под ногами чавкнуло. Не лужа, только сырость, но с его весом можно выжать воду даже из сухой земли.

На краю деревни, где стояли хижины простого люда, толпился народ. Мрак слышал крики ярости, отчаяния, даже вопли. Встревожившись, он пошел прямо по лужам, не замечая, как испуганно смотрят на него все, как отпрыгивают от капель воды.

Он прошел сквозь толпу, как проходит тур через мелкий кустарник. Перед ним расступались, открывая дорогу. Сердце в груди начало колотиться тревожнее, почуяло беду. Он еще не понимал, что тревожное в тех деревцах, что зеленеют прямо перед хижинами, одно вовсе выросло прямо перед лестницей, словно пыталось взобраться, но передумало... или не успело.

Разве то тревожно, что они вдруг появились на голой земле, где еще вчера ничего не росло, он помнит, только утоптанная земля, но сердце билось все чаще. Он остановился, в груди стало внезапно холодно, как зимой голым.

Все четыре молодых дерева еще были людьми, вон их лица, только глаза уже закрыты, руки подняты кверху, из пальцев выбились зеленые листочки, а ступни стали широкими, от них в землю пошли молодые тонкие корешки.

– Боги, – прошептал Мрак, – это же те... четверо!

Народ начал расступаться. Мрак резко обернулся, пальцы застыли на полдороге к поясу. Подходил вождь, которому он всю ночь рассказывал об их удивительных странствиях. Вождь смотрел мимо гостя, в зеленых глазах, все больше похожих на наплывы дерева, появилась глубокая печаль.

– Ты узнал их, чужеземец.

– Узнал, – ответил Мрак, голос дрожал и срывался. – Это... из-за дождя?

– Им оставалось всего сутки, – ответил вождь мертвым голосом. – Их ступни выжгло бы солнцем так, что они уж не смогли бы... разве что попав в большую воду надолго... Но им не дали окончить испытание. Это сделал ты?

Мрак качнул головой:

– Не я, но моей заслуги нет в такой мудрости. Я сидел с тобой, да и... мне просто все равно, сколько из вас выживет. Но кто-то из моих спутников не стерпел... И, кажется, я знаю, кого подвело доброе сердце!

Лица всех четверых превратившихся в деревья были спокойными, даже счастливыми. Светло-зеленая кожа медленно грубела, превращаясь в кору, но Мрак чувствовал, что еще не одну неделю их человеческие лица будут напоминать о трех злобных и глупых пришельцах.

– И ничего нельзя? – вырвалось у него.

Вождь покачал головой:

– Человеком быть трудно, а деревом – легко и счастливо. Потому так силен зов каждого к воде, сырости, а в своих снах видим, как счастливо пускаем корни, как человеческое сознание меркнет, а мы погружаемся в бездумное счастье... Потому у нас каждый шаг окружен запретами! Нам многое нельзя, иначе – ты видишь... всего шаг отделяет от бездумного существования. Трудно быть человеком!

Сердце Мрака стиснули холодные лапы ужаса. Он чувствовал, как похолодели губы.

– Нам тоже нельзя многое. Иначе превращаемся в зверей.

Издали слышались сильные голоса. Толпа расступилась, но и поверх их голов было видно рослых изгоев. И Таргитай, и даже Олег шли уверенно, напористо. У обоих за плечами походные мешки, оба собрались идти в лес прямо сейчас. Мрак сжал челюсти, шумно выдохнул дважды, стараясь сдержать слепую ярость. Голос его был страшнее медвежьего рева:

– Тарх, дрянь!.. Ты хоть понимаешь, тварь, что сделал?

Таргитай гордо вскинул голову:

– Да, это я освободил! Бейте меня, мучайте! Но я не могу, когда люди страдают.

Толпа зашумела, Олег тревожно оглядывался. Потом его зеленые глаза уставились на молоденькие деревца. Мрак увидел, как щеки волхва стали белыми как снег.

– Ты освободил их! – прорычал Мрак. – Освободил от жизни! Смотри.

Таргитай обиженно хлопал глазами. Олег повернулся и бросил что-то резкое. Таргитай сперва вскинул брови, лицо сохраняло глуповато-упрямое выражение, потом кровь отхлынула, щеки стали воскового цвета.

Олег обошел деревца вокруг, одно осторожно потрогал. Брови сшиблись на переносице, что-то прикидывал, но когда посмотрел на Мрака, в зеленых глазах было отчаяние.

– Нет, – ответил он на немой вопрос. – Мрак, мы опоздали. Они сами не хотят возвращаться!

– А если силой? Разве нас не пороли?

– Мрак, их разум уже гаснет... А у кого еще не погас, то уже все равно успел ощутить, как это сладостно – быть деревом! Просто деревом. Если бы мы сумели как-то вырвать... всю жизнь будет помнить, как сладостно быть бездумным, бестревожным. И все равно отыщет лужу или докопается до источника...

– Ты прав, – вздохнул Мрак. – Не держать же связанным? Стать человеком трудно, оставаться еще труднее, а расчеловечиться... раз плюнуть. Для расчеловечения на каждом шагу есть... а чтобы стать человеком или хотя бы удержаться в нем, надо это создать самому. И все время.

Вождь, который слушал их разговор в сторонке, подошел, весь поникший и сразу постаревший, взглянул исподлобья:

– Чужестранцы... Вы погубили наших парней, надежду и опору нашей старости, будущее племени. Будь я моложе, я велел бы убить вас. Кровь за кровь, зуб за зуб, око за око, жизнь за жизнь... Но я стар, горячая кровь давно остыла. Она все больше похожа на холодный сок дерева. И я не хочу, чтоб погибли еще люди моего племени... всего лишь утоляя жажду мести. Этих четверых, надежду и будущую опору нашего маленького племени, все равно не вернем.

Мрак проговорил тяжело, будто двигал гору:

– Если бы ты знал, как нам самим гадко. Олег, держи за руки нашего дурака. Я не хочу, чтобы он еще и себе что-то сделал.

Вождь покосился в сторону двух других, в серо-зеленых глазах было понимание пополам с гневом и отвращением.

– Да, – ответил он, – вы страдаете, чужеземцы... Но теперь я не смогу вас отвести к Хозяину леса.

Мрак кивнул:

– Понимаю. Прости, если сможешь.

Олег подвигал плечами, устраивая мешок за спиной, чересчур старательно, словно в привычных движениях искал спасение. Таргитай, как слепой, двигался за ним следом. На него было страшно смотреть, перед ним расступались, боязливо показывали пальцем. Таргитая раскачивало, он волочил ноги, воздух вокруг него потемнел, словно к дударю со всех лесов слетелись тучи мельчайших мошек.

Глава 12

Мрак потоптался перед вождем, вздохнул, не зная, что сказать на прощанье, как объяснить, не со зла же, со зла никогда столько не натворишь бед, все от жажды осчастливить людей, но старый вождь понял, развел руками:

– Иди, чужестранец... Не в мести дело! Просто теперь нельзя оставить племя... У нас слишком мало мужчин. А когда придет Вырвидуб, даже со мной нас может оказаться мало.

Олег и Таргитай стояли с опущенными головами вдалеке, ждали. Таргитай – посреди лужицы, словно старался врасти в землю и больше не знать жгучей вины, стыда, этой горечи, что раздирает рот и прожигает грудь.

Мрак поднял на вождя глаза:

– Кто такой Вырвидуб?

– Вырвидуб?... Вы не знаете, кто такой Вырвидуб?

Снова Мрак ощутил на себе множество осуждающих глаз, полных отвращения и осуждения. Как можно вообще жить, не зная, кто такой Вырвидуб?

Вождь вздохнул:

– Да, вы из самого дремучего леса. Я даже не думал, что где-то могут не знать Вырвидуба. Разве что в Песках...

– У нас Светлоселье, – ответил Мрак торопливо, – а Вырвидуб, судя по всему, из Темного?

– Он вышел из Темного, – уточнил вождь. – Так говорят нынешние волхвы, хотя старые говорили иначе...

Мрак оглянулся на Олега и Таргитая. Те так и стояли, с опущенными головами, нахоренные, сгорбившиеся, не пригодные ни для боя, ни для бега, ни вообще для жизни.

– Те подождут, – сказал Мрак недобро. – Их тронуть сейчас – помрут за первыми же деревьями... Или сам прибую, не удержусь! Расскажи про Вырвидуба. Мы такие странники, что нам пригаживается все.

– Это рассказывать долго, – ответил вождь, – хотя их история... их было двое – Вырвидуб и Вязокрут... печальна и поучительна. Близнецы, они были рождены в счастливый день, их воспитывали добрые боги... Но вот однажды... Ладно, об этом в другой раз, скажу сразу, что Вязокрут остался каким был: добрым и отзывчивым, а Вырвидуб после того горя, что сотворили с ними сумеречные боги деревьев, ожесточился и стал мстить. Сперва он истребил леса Янтарный и Солнечный, затем хитростью и коварством подрыл корни Вечного Ясеня, а потом сумел свалить его самого. Ясень был бессмертным, но после того, как через него прыгали все козы, он не стал терпеть унижение, велел своим ветвям перестать жить... Вырвидуб после той победы уверился в своей силе, пошел по лесам, везде сеял зло, бесчестил женщин, племена людей превращал в деревья, а сами деревья сжигал либо насылал на них короедов.

Мрак спросил раздраженно:

– И что же, не нашлось героя? Который бы сшиб рога этой Вырвидубе?

– Вырвидубу, – поправил вождь. – Находились. Но Вырвидуб был слишком силен... Наконец люди наших лесных народов уговорили Вязокрута выступить против брата. Вооружившись, он пошел искать Вырвидуба. Как брат-близнец, он чуял, где тот, отыскал быстро, сразился. Бой был страшен, сам Вязокрут был тяжело ранен, но все же сумел сразить брата-злодея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.